

(Рис. А. Э. Микаэля).

VII.

БИТВА ПОДЪ МОНСОМЪ.

— Развѣ это воины, это спортсмены! Имъ бы въ футболъ играть да на скачкахъ скакать, куда же имъ сражаться съ Германіей! — повторяла о британцахъ нѣмецкая пресса. — Къ тому же они нанятые: получаютъ поденную плату, а какое же геройство у поденщика!

Это говорилось въ то время, когда битвы подъ Монсомъ, на Марнѣ, на Энѣ уже изумили весь міръ!

Стоить перелистать хоть небрежно тѣ потрясающе-любопытныя письма, которыя пришли изъ-подъ Монса отъ уцѣлѣвшихъ британскихъ солдатъ, чтобы преклониться почтительно предъ этими „презрѣнными футбольщиками“, сыгравшими свою роковую предсмертную партію съ такимъ героическимъ паѳосомъ.

Битва подъ Монсомъ есть первая битва, въ которой приняли участіе британцы. Еще вчера эти нарядные воины въ щеголеватыхъ тужурочкахъ, въ комфортабельной изящной амуниціи, красовались передъ взорами

восхищенныхъ француженокъ, которыя шумно и радостно привѣтствовали ихъ по пути, а сегодня они очутились въ аду. Вчера были ласки, улыбки, восторги, цвѣты, а сегодня внезапно, какъ миллионы взбѣшенныхъ быковъ, налетѣли на нихъ тевтонскія полчища, только-что растоптавшія Льежъ. Щеголеватые юноши въ изящныхъ тужурочкахъ, — ихъ было такъ мало, ничтожная горсть, а этому стаду взбѣшенныхъ быковъ не видно ни конца ни начала.

— „И откуда они только брались! Словно изъ земли вырастали!“

— „Гдѣ упадетъ одинъ, тамъ появляется сотня!“

— „Казалось, безъ всякихъ снарядовъ и пуль они затопчутъ насъ одними сапожищами!“

Эти возгласы на тысячу разныхъ ладовъ варьируются въ каждомъ письмѣ. Впечатлѣніе неотвратимой громады, которая вотъ-вотъ обрушится, уничтожить, раздавить, пережили всѣ до единого. И съ чѣмъ только ни сравнивается эта громада въ письмахъ британскихъ солдатъ!

— „Нѣмцы накинулись на насъ, какъ лавина, какъ снѣжный обвалъ въ горахъ... „Какъ громадная туча безъ конца, безъ начала“... „Какъ осиный рой...“ „Какъ горохъ изъ мѣшка...“ Этими стереотипными фразами, повторяющимися въ каждомъ письмѣ, пытаются Джонсы и Джонсоны передать свое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ несмѣтными германскими сонмищами.

Это былъ лишь первый отрядъ англичанъ, остальные гдѣ-то задержались, замѣшкались. Гибель была неминуема. Маленькой ли кучкѣ футбольщиковъ задержать взбѣленившихся буйволовъ! Лучше бѣжать или сдаться, а не то сотрутъ въ порошокъ! Но футбольщики не повели даже бровью, не вынули изо рта своихъ трубочекъ и грудью встрѣтили налетающую смерть.

А смерть налетѣла безумная:

— „Сказать вамъ, чтоъ случилось съ моимъ полкомъ: на переключкѣ отозвалось только трое: я да еще двое раненыхъ“, — сообщаетъ Коксъ, рядовой.

— „У насъ изъ 1.009 человѣкъ уцѣлѣло лишь 106 рядовыхъ да 3 офицера. Итого мы потеряли 900 человѣкъ“, — пишетъ кавалеристъ Аткинсонъ, и такія страшныя цифры почти въ каждомъ тогдашнемъ письмѣ.

— „Когда мы вступали въ траншеи, насъ было 1.200, а когда мы покидали траншеи, насъ осталось всего 60“, — сообщаетъ своимъ роднымъ рядовой В. Бокъ.

Тридцать пять, пятьдесятъ, восемьдесятъ, девяносто процентовъ погибло англичанъ въ два-три дня. Но они стояли въ этомъ аду, какъ желѣзные, не теряя ни на мигъ хладнокровія, методически-спокойно пострѣливая, словно и не замѣчая того урагана, который опрокинулъ и смялъ все вокругъ — словно это не кровавая схватка съ обезумѣвшимъ отъ ярости врагомъ, а мирное состязаніе въ стрѣльбѣ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ, въ тирѣ, изъ-за грошоваго приза. Этотъ флегматичный героизмъ британцевъ удивилъ и очаровалъ ихъ союзниковъ. По словамъ француза Дюшеня (M. Duchesne), служившаго въ Верденскомъ гарнизонѣ, французы безъ конца повторяли: „Quels soldats! Ils sont magnifiques! Ils sont superbes!“

— „Словно это пикникъ, а не бой! — пишетъ другой французъ. — Мнѣ казалось что они улыбаются. Даже папироски не бросаютъ. Поразителенъ ихъ sang-froid подбѣшеннымъ ливнемъ пуль“.

Французы никогда не видали такой сверхчеловѣческой стойкости.

— „Всѣ они герои — до единого, — пишетъ французскій сержантъ. — И врачи у нихъ герои, и офицеры герои, и нижніе чины — до единого! Жаль только, что ихъ было такъ мало въ ту пору“.

Сознаніе, что ихъ было меньше, чѣмъ нужно, очень огорчаетъ британцевъ. Нѣтъ письма, гдѣ бы не упоминалось объ этомъ.

— „Нѣмцевъ было двѣсти пятьдесятъ тысячъ, не меньше, а насъ всего пятьдесятъ!“ — читаемъ въ одномъ письмѣ.

— „Одному противъ семи или восьми не легко!“ — читаемъ въ другомъ письмѣ.

— „Нѣмцы кинулись на насъ цѣлой ордой: сто противъ одного!“ — пишетъ саперъ Джорджъ Брайнъ.

Сто противъ одного — это, конечно, гипербола, вполнѣ, впрочемъ, понятная при такихъ обстоятельствахъ, но десять противъ одного — близко къ истинѣ *). Немудрено, что весь бой былъ отмѣченъ множествомъ драматическихъ сценъ. — „Я видѣлъ, какъ двое нашихъ, окруженные нѣмцами, выбившими ихъ изъ сѣдла, прислонились другъ къ другу спиною и, обнаживъ шпаги, изрубили девять или десять враговъ; потомъ увидали мимобѣгущую лошадь безъ всадника, оба разомъ вскочили на нее и ускорили“, — рассказываетъ кольдстримскій гвардеецъ Уитеркеръ. Только такія вдохновенія удачи, отваги, находчивости могли спасти эту кучку людей, окруженныхъ разсвирѣпѣлыми „бѣшами“.

Самоотверженность они проявили огромную. Вотъ весьма типичный эпизодъ, рассказанный солдатомъ-чеширцемъ: — „Одинъ изъ нашихъ сержантовъ упалъ. Къ нему кидается нашъ капитанъ и хочетъ его поднять. Пуля попадаетъ ему въ ногу. Онъ тоже падаетъ, рядомъ съ сержантомъ, и мы думаемъ: кончено! Но онъ ползетъ и волочитъ за собою сержанта. Наши бросаются ему на помощь. Вы бы поглядѣли его ногу, когда онъ снялъ свой сапогъ! Вдребезги раздроблена, исковеркана!“

Это традиція у британскихъ офицеровъ — спасать своихъ солдатъ, рискуя жизнью. Командующій англійской эскадрой сэръ Джонъ Желлико, какъ извѣстно, не разъ бросался съ корабля въ океанъ, чтобъ спасти тонущаго матроса.

Въ битвѣ при Монсѣ, къ довершенію ужаса, батареи британцевъ не всюду могли имъ служить. — „Послѣ трехчасового боя, — рассказываетъ одинъ рядовой, — нѣмцы уничтожили всѣ наши орудія. Вся артиллерійская

*) Согласно официальнымъ англійскимъ источникамъ нѣмцевъ было вшестеро больше, чѣмъ англичанъ.

Последній снарядъ.
Рис. Кристофера Кларка. «The Sphere».

прислуга была перебита, изранена, и мы должны были стоять подъ нѣмецкимъ огнемъ даже безъ возможности обороняться. Все воскресенье, и ночью и днемъ, нѣмцы осыпали насъ шрапнелью. Когда мы вышли изъ сферы огня, оказалось, что одними убитыми мы потеряли трехсотъ человѣкъ, включая сюда четырехъ офицеровъ“.

И все же они стояли, беззащитные, безоружные, обреченные на смерть, ежеминутно погибая десятками, — и

Подвигъ капрала Холмса.

Капраль Холмсъ рассказываетъ: «Когда мы отступали отъ Le Cateau, какой-то раненый, лежащій у самыхъ окоповъ, закричалъ: «ради Бога, Фреди, спаси меня!» Я взвалилъ его на плечи, но такъ какъ моя амуниція царапала его, то я положилъ его наземъ, отстегнулъ ранецъ и, взявъ товарища «пожарнымъ обхватомъ», понесъ его дальше. Снаряды разрывались на каждомъ шагѣ. Я дотащилъ его до деревушки, гдѣ какая-то женщина, стоявшая у порога, сказала: «неси его сюда!» Я такъ и сдѣлалъ, отдохнулъ полчаса и снова вернулся въ бой». За этотъ подвигъ капраль Холмсъ получилъ крестъ Викторіи, соответствующій нашему георгіевскому. (См. стр. 120).

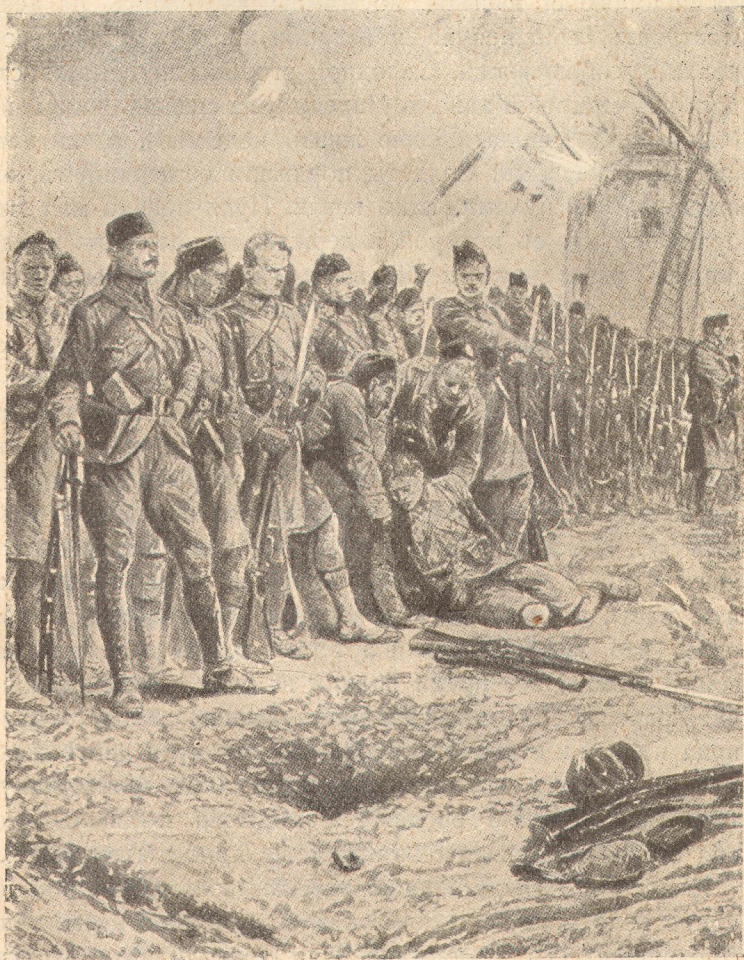
не уступили ни пяди. Когда-нибудь пѣвцы и поэты увѣ-
ковѣчатъ ихъ въ патетическихъ пѣсняхъ, а теперь по-

Англійскій солдатъ выносить изъ боя раненаго товарища.

пробуйте пережить всѣми нервами хотя бы такой эпизодъ, рассказанный однимъ офицеромъ въ письмѣ къ своей матери изъ бельгійскаго госпиталя:

— „Мы задерживали нѣмцевъ весь день, убивая ихъ

„...Мы должны были стоять подъ нѣмецкимъ огнемъ даже безъ возможности обороняться“...

цѣлыми сотнями, когда къ вечеру, въ пятомъ часу, пришелъ приказъ отступать. До насъ этотъ приказъ не дошелъ, и когда всѣ отступили, мы остались одни-одиношеньки. Маленькій англійскій островокъ среди безграничнаго моря германцевъ! Прикрывала насъ отъ нихъ желѣзнодорожная насыпь, но нѣмцы взобрались на нее. Отступать было некуда, ибо наши, когда отходили, взорвали за собою мостъ. Съ одной стороны непріятель, съ другой — широкой каналъ. Надежды на спасеніе никакой. Мы рѣшили продать свою жизнь недешево, завинтили штыки, и на нихъ! Солдаты поражали безстрашіемъ, но падали подъ пулями, какъ кегли. Пуля попала мнѣ въ правую руку, въ которой я держалъ револьверъ. Я выронилъ револьверъ и былъ не въ силахъ вытащить саблю. Вскорѣ другая пуля угодила мнѣ въ ногу, въ колено. Я упалъ, а мой отрядъ побѣждалъ дальше, на нѣмцевъ. Чтò было потомъ, я не видѣлъ, но всѣ видѣвшіе съ восхищеніемъ рассказываютъ объ этой героической атакѣ. Жители мнѣ потомъ сообщили, что вокругъ моста нашли до 5.000 убитыхъ нѣмцевъ и 60 англичанъ. Эти-то 60 человекъ и составляли почти весь мой отрядъ... Лежа на травѣ, я почувствовалъ, что весь рукавъ у меня полонъ крови. Кровь не просто сочилась изъ раны, а била, какъ говорится, фонтаномъ. Я понималъ, что мнѣ повредили артерію. Когда я лежалъ на землѣ, нѣмцы все время палили въ меня, желая прикончить раненаго, но одна пуля наткнулась на саблю, скользнула по ней и отскочила прочь, другая пуля влетѣла ко мнѣ въ карманъ, но, наткнувшись на какую-то жестянку, тоже не причинила вреда. Впослѣдствіи я узналъ, что оба стекла въ моемъ биноклѣ тоже пробиты пулями“...

И какъ это хладнокровно рассказывается, точно дѣло идетъ не о немъ, а о какомъ-то постороннемъ событіи, совершенно его не касающемся. Погибли шестьдесятъ человекъ, окруженные несмѣтной ордой, погибли легендарной смертью, хотя никто не мѣшалъ имъ сдаться комфортабельно въ плѣнъ,—и объ этомъ удивительномъ

Французскія крестьянки убираютъ цвѣтами могилы павшихъ британскихъ солдатъ. По фот. корреспондента «Нивы».

подвигъ разсказывается такъ дѣловито и сухо, словно это самая заурядная вещь, о которой и говорить бы не стоило. Англичанинъ не тратитъ напрасно ни жестовъ, ни восклицаній, ни словъ. Только могучей душѣ доступенъ такой лаконизмъ!

.....

Не знаю, тогда ли именно, или немного позднѣе, совершилъ батарейный Гарлокъ свой удивительный подвигъ, за который его одновременно и прославили и разбранили жестоко.

Его ранило въ правую ляжку, онъ отправился на перевязочный пунктъ. Докторъ перевязалъ ему рану и велѣлъ сейчасъ же, немедленно, лечь въ лазаретъ. Гарлокъ сдѣлалъ видъ, что идетъ въ лазаретъ, а самъ бѣгомъ на свою батарею, къ орудію! Только-что успѣлъ зарядить, трахъ! — новый нѣмецкій снарядъ, новая рана въ спину. Онъ снова идетъ на перевязочный пунктъ, докторъ смотритъ на него съ изумленіемъ:

Битва подъ Монсомъ. Британская артиллерія спѣшитьъ французамъ на выручку. Набросокъ Р. Удвила.

— Зачѣмъ же ты не пошелъ въ лазаретъ?

Гарлокъ объясняетъ, что не могъ отыскать, искалъ-искалъ, не нашелъ; ему даютъ провожатаго, и докторъ говоритъ ему съ сердцемъ:

— Если могъ добратся до своей батареи, дойдешь и до лазарета, ничего!

Вышли они вдвоемъ съ санитаромъ. Гарлокъ ему говоритъ:

— Иди къ другимъ, я и безъ тебя обойдусь.

Когда тотъ ушелъ, Гарлокъ перевернулъ вверхъ ногами то, что сказалъ ему докторъ:

— Если могу до лазарета идти, стало-быть, и до батареи дойду!

И опять заковылялъ къ орудію. Черезъ двѣ-три минуты нѣмецкій снарядъ раздробилъ ему правую руку. Снова онъ предсталъ передъ докторомъ. Наши офицеры не знали, бранить или хвалить его за это. Попробовали-было бранить, да языкъ не повернулся во рту. И дали ему Крестъ Викторіи...

Такъ повѣствуетъ въ письмѣ товарищъ этого упрямаго героя. Я заимствую письмо изъ „Daily News“. Гарлокъ — не исключеніе, а правило. Такой духъ проникаетъ всю армію, и надо радоваться, что три милліона Гарлоковъ находятся нынѣ въ строю. Если въ началѣ кампаніи, когда ихъ численность была незначительна, они проявили столько сказочной храбрости, то теперь они совершаютъ чудеса. Теперь для нихъ нѣтъ невозможнаго. Теперь они всему міру покажутъ, что такое британскій футболъ. Но и въ тѣ черные дни, когда, казалось, ничто не могло спасти ихъ отъ рокового разгрома, у нихъ, кромѣ флегматической стойкости, проявилась другая великая сила, которая и помогла имъ безтрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила называется юморомъ.

(Рис. А. Э. Микаэля).

VIII.

ЮМОРИСТЫ.—СПОРТСМЕНЫ.

Не забудемъ, что это народъ юмористовъ, народъ-юмористъ, что Свифтъ, Гоггартъ, Фильдингъ, Диккенсъ, Теккерей, Томасъ Гудъ и прочіе гении смѣха созданы этимъ народомъ; что и Джекобъ и Джеромъ К. Джеромъ — тоже его порожденіе. Весь міръ восхищается обликомъ незабвеннаго мистера Уэллера, каждое изреченіе котораго, вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ гомерическій хохотъ, а вѣдь этотъ простонародный мудрецъ есть подлинное воплощеніе тѣхъ самыхъ круговъ Альбіона, изъ коихъ и вербуются солдаты. Если бы на русскій языкъ были грамотно переведены „Три солдата“, очерки Редьярда Киплинга, то русскіе читатели знали бы, что нынѣшній британскій солдатъ по своей наклонности къ юмору есть достойный наслѣдникъ Уэллера.

— „Вѣкъ не видалъ я такихъ жизнерадостныхъ парней,—пишетъ изъ военнаго госпиталя полковой священникъ Татерсолъ.—Они даже въ госпиталѣ изумительно веселы. У этого вышибленъ глазъ, тотъ раненъ осколкомъ шрапнели, но все для нихъ — тринь-трава, пустяки; со смѣхомъ переносятъ всѣ ужасы“.

Саперъ Брэдли даже готовъ утверждать, что именно терзанія и муки вызываютъ въ солдатахъ веселость. Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ они веселѣе, — на зло, на перекоръ этимъ ужасамъ. Смѣхомъ они побѣждаютъ печаль, юморомъ преодолеваютъ страданія. „Я никогда не видалъ ихъ такими веселыми, какъ именно въ часы

испытаній, — рассказываетъ этотъ саперъ. — Въ окопахъ подь непрерывнымъ огнемъ — шутки, пѣсни, анекдоты, концерты! Порою играемъ въ футболъ; роль мяча исполняетъ нѣмецкая каска. А то затѣваемъ пари: гдѣ разорвется ближайшій германскій снарядъ? Выигравшій получаетъ всѣ ставки“.

Въ каждомъ отрядѣ, въ полку, въ лазаретѣ, непременно найдется солдатъ, обладающій способностью смѣшнить. Счастливая способность, драгоцѣнная! Тутъ она нужнѣе всего. Эти полковые шуты выполняютъ великую

Англійскіе солдаты на позиціяхъ играютъ въ футболъ. Французъ-часовой въ роли зрителя. (Съ фот.).

функцию: они анестезируютъ боль, они облегчаютъ все тягостное.

— „Есть у насъ шотландецъ, умора! — читаемъ въ одномъ письмѣ. — Роздалъ всю одежду бельгійцамъ, самъ остался голъ, какъ соколъ. А потомъ нарядился для смѣху въ юбочку шотландскаго гвардейца, напялилъ красные французскіе штаны, пару бельгійскихъ сапогъ, и къ довершенію эффекта завернулся въ уланскій плащ“.

И вправду, должно-быть, былъ очень смѣшонъ этотъ попугаый франко-нѣмецкій, шотландско-бельгійскій

Английскіе раненые солдаты во дворѣ госпиталя играютъ въ крокетъ, сидя на движущихся креслахъ.

костюмъ, и, должно-быть, носившій его выступалъ въ немъ съ ухватками природнаго комика, ибо солдаты надрывались отъ смѣха.

— „Мы чуть не разорвались пополамъ, — рассказываетъ сержантъ Т. Кахиль о другомъ полковомъ шутникѣ. — Просто бока разболѣлись отъ хохоту. Ну жъ и весельчакъ этотъ Клэнси! Околпачиваетъ нѣмчуру — первый сортъ! Взялъ вчера фуражку, нацѣпилъ на полѣно, и поднялъ надъ окопомъ для забавы. Нѣмцы пошли палить, истратили тонны свинца, а онъ не переставалъ насъ смѣшить“.

Эти отдѣльные шутники и остряки выражаютъ общее настроеніе арміи. Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ минуту высшаго боевого подъема англичане проявляютъ мальчишески-веселый задоръ и, словно состязаясь другъ съ другомъ, школьничаютъ, затѣваютъ проказы.

То они пишутъ на пушечныхъ одиннадцатидюймовыхъ снарядахъ:

— „Привѣтъ изъ Англіи!“

— „Спеціально для кайзера!“

То на своемъ воинскомъ поѣздѣ дѣлають начертаніе мѣломъ:

— „Прямое сообщеніе съ Берлиномъ!“

То сочиняють экспромптомъ нескладную, но бойкую пѣсню про пляшущаго кайзера Вилли, которую тутъ же и распѣвають, приплясывая:

„Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть“

и т. д. *).

И все это неизмѣнно свидѣтельствуешь о приподнятомъ бравурно-мажорномъ „настройствѣ“, въ которомъ эти люди находятся.

Нѣсколько дней подъ рядъ нѣмцы аккуратно во время обѣда начинали палить по британцамъ.

— Чувствуютъ запахъ свинины! — объясняетъ веселый ирландецъ. — Такъ и тянетъ съ голодухи на съѣстное!

Пуля попадаетъ въ жестянку съ говядиной:

— Вотъ и отлично: не придется ее открывать. Сами нѣмцы, спасибо, откупили!

Неподалеку разорвалась граната. Мелкіе камешки и комья земли попадаютъ солдату въ супъ. Вынимая ихъ, онъ говоритъ:

— Я пришелъ сражаться за бельгійскую землю, но ѣсть ее я не намѣренъ. („Daily News“, 1915, Apr. 29).

— Все для нихъ шутка и смѣхъ, — рассказываетъ одинъ офицеръ. — Дождь-ливень, сплошная вода. Я говорю вѣстовому: — „Ступай, приведи мнѣ коня!“ — „Не прикажете ли, ваше благородіе, лодочку?“

Свои окопы, нерѣдко залитые дождемъ, они называютъ Hôtel de Лу́жа, Венеціанскій каналъ, Вилла „Подснѣжникъ“, Букингемскій дворецъ“ и т. д.

*) См. сборникъ „Совр. война въ русской поэзіи“, стр. 147—148. Тамъ вся эта пѣсня переведена очень точно.

Томми Аткинсъ отбываеѣтъ на передовыя позиціи.

Продвигаясь впередъ и покидая окопы, они вывѣшиваютъ надъ ними табличку:

„Ввиду того, что хозяинъ уѣхалъ въ Потсдамъ, эта уютная квартира сдается“.

Задерживая наступленіе нѣмцевъ, ничтожная горсть англичанъ спряталась въ какой-то лавчонкѣ, осажденной со всѣхъ сторонъ непріателемъ, и долго осыпала его выстрѣлами. Вдругъ начальникъ отряда, сержантъ, за-примѣтилъ на верхней полкѣ нѣсколько шоколадныхъ

плитокъ. — „Ребята, — сказалъ онъ, — за каждого нѣмца вы получите по шоколадкѣ въ награду!“ — и съ тѣхъ поръ послѣ всякаго удачнаго выстрѣла онъ неизмѣнно говорилъ: „получай!“ и при дружномъ одобрительномъ смѣхѣ швырялъ отличившемуся стрѣлку шоколадъ. „Увы, — заключаетъ свою повѣсть рассказчикъ, — немногимъ довелось послѣ боя отвѣдать эту сладкую награду. Немногіе остались въ живыхъ!“

Въ этой удалой залихватской средѣ принято относиться къ своимъ личнымъ страданіямъ съ презрительной усмѣшкой, шутя. Этого тамъ требуетъ приличіе. Установился уже трафаретъ для описанія собственныхъ ранъ:

— „Яшка Джонсонъ *) пожалъ мнѣ руку; отхватилъ мнѣ кусочекъ уха; провертѣлъ пять дырочекъ въ лѣвомъ плечѣ, двѣ—въ груди, семь въ голени, дюжину (мелкихъ) въ башкѣ и множество — въ обѣихъ рукахъ; такъ что я цѣлые дни выколупливалъ отовсюду осколки!“ („Daily News“, 22 декабря 1914).

Или вотъ сообщеніе о полученіи раны въ ступню:

— „Въ день рожденія получилъ я подарокъ отъ кайзера“.

Оторвало у Томми палець, онъ шутить:

— И какъ это нѣмцы интересуются такимъ пустякомъ!

Ирландцу отрѣзали руку, на которой была татуирована бабочка. Онъ только подмигнулъ съ огорченіемъ:

— Другой такой бабочки я уже вѣкъ не увижу!

Такого ухарски-небрежнаго тона въ описаніи своихъ злоключеній требуютъ традиции среды. Здѣсь юморъ, какъ и храбрость, — обязательень.

„Безъ юмора не смѣй и умереть!“ — гласитъ неписанный солдатскій уставъ англичанъ. Какъ раздражаетъ британскаго воина, что нѣмцы нечувствительны къ юмору! Нѣкій Томми какъ-то взобрался на иву нарѣзать себѣ ивовыхъ прутьевъ. Раздался выстрѣлъ, но мимо. Томми и крикнулъ, балуясь:

*) Такъ фамильярно именуетъ англійскій солдатъ колоссальные снаряды германцевъ.

— Промахнулся! Лѣвѣ возьми!

Выстрѣлъ раздался снова.

— Опять промахнулся! Правѣ!

Снова слышался выстрѣлъ, и Томми съ прострѣннымъ черепомъ свалился съ ивы на землю. Нѣмецъ не оцѣнилъ его юмора („Daily News“, 19 дек.). Таковъ духъ, заражающій всѣхъ. Раненому, падая въ окопъ, нужно непременно воскликнуть:

— Кайзеръ Биль укусилъ меня за ногу!

Или что-нибудь другое, въ этомъ родѣ. Г. Ст. Вольскій рассказываетъ, что въ походѣ, въ траншеяхъ, подъ огнемъ, наканунѣ атаки Томми каламбурить и смѣется, хотя иногда губы его блѣдны и голосъ срывается. „Каламбурить онъ на привалѣ, въ госпиталѣ на операціонномъ столѣ, въ разговорахъ съ корреспондентами, стараясь личнымъ примѣромъ доказать правильность двухъ свято-чтимыхъ имъ положеній: „англійскому солдату все ни почемъ“ и „англійскій солдатъ ничего не боится“. Я былъ пораженъ, читая въ „Times“ письмо знаменитаго англійскаго писателя Райдера Хаггарда о смерти его плѣмянника, капитана Марка Хаггарда: тотъ въ свои предсмертныя минуты, видя неизбежную гибель, смѣялся— „смѣялся, пока не упалъ“. (10 октября 1914).

О такомъ же неожиданномъ смѣхѣ во время смертельной опасности рассказываетъ одинъ простодушный матросъ: „Тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла мы сдѣлались очень веселыми и смѣялись, пока не кончился бой“. Это не истерическій смѣхъ неврастениковъ, это просто душевный подъемъ здоровыхъ, безстрашныхъ людей. Они повѣствуютъ безхитростно: „мы стали прыгать, плясать, вдругъ изъ лазурнаго неба свалилась на насъ граната, и двадцать человѣкъ пали мертвыми“. („Эдкокъ“, стр. 63).

Смѣхъ и смерть! Смѣхъ надъ смертью! Смѣются, чтобы не плакать. Шутятъ, чтобы не кричать отъ отчаянія. О, не даромъ Пушкинъ приписалъ англичанамъ свою трагедію „Пиръ во время чумы“. Англичанинъ ненавидитъ от-

чаяние: его величайшая радость — бороться съ собственной слабостью, побѣждать въ себѣ малодушіе, испугъ. Отсюда и возникъ его юморъ, этотъ смѣхъ, побѣждающій скорбь. Смѣхъ, побѣждающій смерти! Это чисто-англійское свойство! Въ этомъ-то и заключается юморъ, его естество, его сущность. Я, конечно, ни секунды не думаю, что всѣ эти солдатскія остроты удачны, что каждый Томми Аткинсъ есть Диккенсъ: мнѣ не важно, какъ они шутятъ: хорошо или плохо, остро или плоско, мнѣ важенъ самый фактъ: они шутятъ. Они поголовно охвачены юморомъ — и даже тѣ прозвища, которыя ими даются самымъ зловѣщимъ, пугающимъ явленіямъ войны, свидѣтельствуютъ объ этомъ несокрушаемомъ юморѣ. Колоссальныя снаряды германцевъ ими окрещены въ „Яшку Джонсона“, въ „Черную Машку“ и пр. А когда какой-то солдатъ, по фамиліи Пальмеръ, страдающій невралгіей лица, увидѣлъ издали Черную Машку и внезапно излѣчился отъ боли, вся армія стала величать это пугало: „Цѣлебное снадобье Пальмера“ (Palmer's Cure) *).

Предо мною цѣлая коллекція пѣсенъ, сочиненныхъ англичанами въ траншеяхъ на мотивы популярныхъ балладъ, и среди нихъ — ни одной торжественной или угрюмой, а все шутовскія и шуточные. Преобладаетъ, конечно, сатира, этотъ нарочито-англійскій родъ пѣснетворчества: сатира на кайзера Билля, на полкового цырюльника, на дурно-испеченный хлѣбъ, — рѣшительно на всѣхъ и на все. Жажда смѣхотворства сказалась и тутъ. Но кромѣ того примѣчательно, что во множествѣ этихъ сатиръ одна бригада уязвляетъ другую, одинъ батальонъ уязвляетъ другой. Между ними какая-то вѣчная распря. То-есть не распря, а соревнованіе, споръ. „Беркширцы“ съ „Йоркширцами“, „Сѣрые“ съ „Черными“, „Гордонцы“ съ „Кольдстримцами“ — находятся въ неустанномъ соперничествѣ. Они состязаются въ подвигахъ, они стремятся затмить другъ друга безоглядно-лихими дѣлами.

*) Собрание солдатскихъ писемъ Кильпатрика, стр. 34.

Можно подумать, что здѣсь соревнованіе спортивныхъ „командъ“ изъ-за какого-нибудь кубка. Вотъ еще британская черта: безъ спорта они не проживуть ни минуты. Для нихъ это міровое побоище—какой-то грандіозный футболъ. Каждая схватка съ германцами неизмѣнно рисуется Аткинсу въ видѣ какого-то матча, иначе онъ не воспринимаетъ войну, и часто, описывая тѣ боевыя событія, въ которыхъ онъ участвовалъ лично, онъ сбивается на жаргонъ чемпиона:

— „Нѣмцы проиграли пять партій, а у насъ ни единого проигрыша. Ихъ голкиперы слабы. Наши форварды держались молодцами. Главный же матчъ впереди!“ („Adcock“, p. 101).

Типичны и такія выраженія:

— „У нѣмцевъ—ни малѣйшаго шанса. Я и мѣднаго фартинга (гроша) не поставлю за нихъ. Всѣ мои ставки—за французовъ и русскихъ“.

Всякія ставки, пари неизмѣнно сопутствуютъ спорту. Мы уже видѣли, что англичане подъ выстрѣлами держатъ другъ съ другомъ пари, гдѣ разорвется ближайшій нѣмецкій снарядъ. О томъ же повѣствуетъ майоръ, носящій громкую фамилію Шекспиръ.—„Томми держатъ другъ съ другомъ пари на пятифранковую бумажку, что ближайшій снарядъ упадетъ тамъ-то и тамъ-то“, — читаемъ въ его письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ „Daily News“ (22 декабря 1914 г.).

Съ такимъ же спортсменскимъ азартомъ описываютъ англичане состязаніе аэроплановъ. Вотъ, напримѣръ, письмо, которое могло быть написано только прирожденнымъ спортсменомъ:

— „Изъ окоповъ мы на-дняхъ наблюдали воздушную дуэль между французомъ и нѣмцемъ. Интересно,—какъ гонка яхтъ! Французъ выдѣлывалъ разныя штуки, плелъ петли, кидался то вправо, то влѣво, пока не поднялся надъ нѣмцемъ. Совсѣмъ какъ скворцы. то одинъ наверху, то другой. Обмѣнивались револьверными выстрѣлами“. („Daily News“, 10 ноября).

Брайтонская футбольная команда, вошедшая въ „батальонъ футболистовъ“. Футболисты, крикерысты, боксеры образовали въ Англіи *свои* батальоны.

Другой солдатъ выражается такъ:

— „Мы видѣли, какъ два аэроплана сцѣпились надъ нами въ воздухѣ — зрѣлище очень захватывающее“. („Daily News“, 16 ноября).

Это зрѣлище такъ захватило обоихъ, что оба забыли о страхѣ, хотя битва происходила надъ ними. Не чудилось ли имъ въ это время, что они сидятъ на трибунѣ и мирно наслаждаются Дерби? Поле битвы имъ всегда представляется въ видѣ арены, ристалища,—и это еще больше увлекаетъ ихъ въ бой. Прелестно письмо одного рядового: „жители Серрея могутъ гордиться: ихъ земляки, какъ въ крокетѣ, такъ и въ сраженіи—первые. Не отступятъ, пока не выиграютъ“. Многіе привезли изъ-за моря большіе мячи для футбола, пристегнутые къ тяжелому ранцу, и, даже идя въ атаку, не желали разстаться съ ними. Одинъ саперъ изображаетъ въ письмѣ, какъ англичане (линкольнцы) играли въ футболъ подъ огнемъ и только тогда прекратили игру, когда сверху, съ нѣмецкаго „таубе“, было брошено нѣсколько бомбъ. Французы даже попеняли имъ дружески: „ну можно ли заниматься игрою, когда на голову падаютъ ядра“. („Daily News“, ноябрь).

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Какъ бы то ни было, эта національная британская страсть, надъ которой въ Германіи было столько насмѣшекъ, чрезвычайно облегчаетъ для Аткинса тяжкое бремя войны. Сводя всякій боевой эпизодъ къ привычнымъ и любимымъ формамъ спорта, Томми Аткинсъ не чувствуетъ себя новичкомъ на новомъ, малоиспытанномъ поприщѣ. Спортъ какъ бы окрыляетъ его, придаетъ заманчивую прелесть, увлекательность томительной военной страдѣ. Здѣсь какіе-то новые стимулы для

Спортъ англійскихъ солдатъ: на четверенькахъ по лѣстницѣ.

жертвъ, трудовъ и лишеній. И такъ какъ въ британскомъ спортѣ главное—отнюдь не азартъ, а высоко-развитое социальное чувство, товарищество, привычка къ дисциплинѣ и т. д., то ясно, что этимъ футбольщикамъ

Англійські солдати не прерывають футболу при появленіи неприятельскихъ «таубе».

ихъ футболъ—не укоръ, а хвала: въ немъ ихъ сила, а вовсе не слабость, какъ почему-то полагали германцы, осыпавшіе въ своемъ „Симплициссимусъ“ цѣлой тучей

карикатуръ и насмѣшекъ эту „жокейскую армію, вооруженную шарами и молотками отъ крокета, футбола, лаунъ-тенниса“. Теперь такихъ карикатуръ уже нѣтъ.

„Война, — говоритъ по этому поводу одинъ русскій писатель, — особенно подчеркиваетъ тотъ параграфъ спортивной морали, который гласитъ: „помогай товарищу“. Связи, бывшія раньше случайными, какимъ-то образомъ скрѣпляются: походная жизнь устраняетъ условную сдержанность; и совсѣмъ другимъ, отзывчивымъ и нѣжнымъ, становится обликъ Томми. Подъ градомъ пуль онъ выбирается изъ траншеи, чтобы подобрать раненаго товарища; усталый, измученный, несетъ на себѣ до ближайшаго пункта инвалида съ перебитой ногой; терпя адскія боли, говоритъ подошедшему доктору: „перевяжите сперва вотъ этого, — я черезъ нѣсколько минутъ все равно умру“. — „Я наткнулся на одного солдата стрѣлковаго полка, — пишетъ Томми. — Онъ былъ прикрытъ непромокаемымъ пальто, а рядомъ лежалъ раненый артиллеристъ безъ всякой крыши. Я спросилъ стрѣлка, не могу ли я ему помочь. „Ничего не надо, — отвѣчалъ онъ, — но я сказалъ бы вамъ большое спасибо, если бы вы взяли мое пальто и прикрыли вотъ этого парня. Я все равно въ живыхъ не останусь, а онъ можетъ остаться, если ему во-время помогутъ. Прощайте. Да еще пригляните, чтобъ меня не съѣли коршуны, когда я умру“ *).

Это не сентиментальность, нисколько. Это — вкорененное спортомъ старо-англійское чувство товарищества, ставшее почти что инстинктомъ.

*) Ст. Вольскій, „Ежемѣсячный Журналъ“ 1915, I.

IX.

„МЫ“

Я упомянулъ о развитіи соціальныхъ инстинктовъ. Пожалуй, это поражаетъ васъ больше всего, когда вы знакомитесь съ солдатскими письмами. Вы только вообразите такое: пишетъ юноша, почти мальчикъ, вчерашній ребенокъ, изъ самаго пекла войны, пишетъ своей матери-старухѣ, какой-нибудь мистрисъ Смитъ или Роджерсъ, которая гдѣ-нибудь въ Рэдингѣ, въ Кардифѣ, въ Лидсѣ ждетъ его письма съ содроганіемъ, вскрываетъ это письмо въ полу-обморокѣ, и что же: онъ—о себѣ ни полслова! Исписываетъ восемь страницъ разсказами о какихъ-то бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ, а о себѣ позабылъ. И хотѣлъ написать, да забылъ! Онъ вѣдь давно уже забылъ о себѣ, пересталъ какъ-то себя замѣчать, давно потерялъ свое „я“, оно все растворилось, растаяло въ этихъ бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ... У него появилось взамѣнъ другое огромное слово: „мы“. Въ письмахъ англійскихъ солдатъ это слово на каждой строкѣ. „Мы взяли“, „мы разбили“, „мы прогнали“,—только о томъ и читаешь. Личность растворилась въ коллективѣ безъ остатка, такъ полно, какъ еще не случалось въ исторіи. Впервые на нашей планетѣ совершается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ этотъ рѣдкостный психологическій опытъ. И впервые мы можемъ провѣрить его по множеству документальныхъ свидѣтельствъ, по этимъ драгоценнымъ солдатскимъ каракулямъ на замусоленныхъ измятыхъ лоскуткахъ,

которыя для грядущихъ историковъ будутъ дороже всѣхъ Геродотовъ и Несторовъ!

Вотъ чтѣ пишетъ сынъ-солдатъ своей матери:

— „Мы сражались два дня превосходно. *Нашъ полкъ* воевалъ геройски. Мы потеряли немного, но потери непріятеля страшныя. *Наша бригада* захватила до 400 плѣнныхъ...“ („Daily News“, 3 ноября).

„Мы“, „наша бригада“, „нашъ полкъ“—здѣсь теперь весь его космосъ, но бѣдная старуха, мнѣ чудится, долго вертитъ это письмо, перечитываетъ, ищетъ по всѣмъ его углушкамъ: „гдѣ же сынъ говоритъ о себѣ?“ И не находить ни строчки! Ея сынъ такъ захваченъ своими бригадами, полками и дивизіями, что ему нужно большое усиліе, чтобы вновь обрѣсти свое „я“. Онъ можетъ писать только такъ:

— „Разсказать вамъ подвиги нашего батальона — не хватить и цѣлаго дня, а чтѣ сдѣлала наша бригада, того и въ недѣлю не расскажешь. Я скажу лишь одно: мы отразили десятки атакъ отборнѣйшихъ Вильгельмовыхъ войскъ, и, какъ объявилъ намъ бригадный, французская линія осталась непрорванной только благодаря нашей стойкости. Мы съ честью поддержали доброе имя кольдстримцевъ“.

Вы замѣчаете здѣсь нотку похвалы, но вѣдь не собою же онъ похваляется, а своей бригадой, своимъ батальономъ, не себя онъ прославляетъ, а кольдстримцевъ. Честь кольдстримцевъ для него дороже своей. Въ этихъ письмахъ вы ежеминутно читаете:

— „Нѣмцевъ было втрое больше, чѣмъ насъ, но, слава Богу, ливерпульцы ни разу не дали нѣмцамъ поблажки“.

— „Спросите у раненыхъ о подвигахъ нашихъ валлійцевъ. Они расскажутъ такое, что вы будете нами гордиться“.

Личное честолюбіе исчезло, замѣнилось корпоративнымъ, общиннымъ. Въ связи со своей бригадой, дивизіей, съ той или иной ячейкой арміи, человѣкъ уже не

Штыковая атака нѣмецкихъ траншей подѣ Невѣ-Шапелемъ у деревни Оберѣ.

ощущаетъ себя. Онъ охотно отдастъ свою жизнь, лишь бы его возлюбленный полкъ, его regiment оказался не хуже другихъ. Иного честолюбія онъ не знаетъ, но *это* честолюбіе безгранично. Какъ онъ разсерженъ и обиженъ, если газеты по какой-нибудь случайной причинѣ не воздадутъ его полку должныхъ почестей:

— „Генераль осыпаетъ нашъ полкъ комплиментами, но я еще ни разу не видѣлъ, чтобъ нашъ полкъ похвалили газеты, между тѣмъ какъ другіе полки удостоиваются похвалъ за такія дѣла, которыя среди насъ заурядны“, — негодуетъ сержантъ Гаррисонъ.

Рядовой Моди также задѣтъ за живое:

— „Вы говорите, что, читая газеты, вы въ нихъ не наткнулись ни разу на свѣдѣнія о нашихъ валлійцахъ. Но, чортъ возьми, мы бывали въ такихъ передѣлкахъ!..“

Съ какой-то особенной нѣжностью говорятъ они о своемъ regiment'ѣ. Въ письмѣ одного капрала мнѣ понравилась такая строка: „луна озарила нѣмецкіе шлемы; *мой милый, дорогой старый полкъ* навинтилъ штыки и — на нихъ!“ Особенно гордятся эти люди, когда въ ихъ миломъ и дорогомъ regiment'ѣ окажется увѣнчанный герой.

— „Въ нашемъ полку уже есть одинъ, награжденный орденомъ Викторіи“, — радуется сержантъ Скатерфильдъ, словно орденъ достался ему. Зато самъ-то получившій награду пишетъ своей матери такъ:

— „Ты просишь, чтобы я написалъ о себѣ. Терпѣть не могу писать о себѣ“.

Вотъ если бы мать догадалась разспросить его о его возлюбленной бригадѣ, дивизіи, онъ прислалъ бы ей подробнѣйшій длинный отчетъ. Такихъ писемъ-отчетовъ въ моей коллекціи множество. Каждый матросъ съ упоеніемъ пишетъ о подвигахъ своего корабля, каждый рядовой о своихъ гордонцахъ, валлійцахъ, кольдстримцахъ.

Большинство этихъ солдатскихъ посланій сводится къ такой похвальбѣ:

— „Нашу батарею такъ и зовутъ: знаменитая. Знаменитая вторая батарея! Такое прозвище намъ далъ одинъ французскій генералъ и два англійскихъ. У насъ самыя большія орудія; каждый снарядъ — три пуда“ и т. д., и т. д., и т. д. *).

Но не слѣдуетъ думать, что въ это солдатское „мы“ входятъ лишь полки да батареи, лишь мелкія ячейки корпусовъ. Напротивъ, никогда это „мы“ не было такъ

Англійскіе курьеры-мотоциклисты спрашиваютъ дорогу у французскаго часового.

широко и огромно; вѣдь оно охватило полміра—и Францію, и Бельгію, и насъ. Пріятно читать въ этихъ письмахъ, какъ радуется Томми нашимъ радостямъ, и какъ печалютъ его наши печали. Связавъ свою судьбу съ судьбою нашей арміи, нашего рядового Иванова, Томми заочно подружился съ Ивановымъ, сдѣлалъ его своимъ mate'омъ и участливо слѣдитъ за нимъ издали.

— „Новопришедшій саперъ развеселилъ насъ расска-

*) Всѣ приводимыя въ этой главѣ солдатскія письма заимствованы мною изъ газеты „Daily News“ за октябрь, ноябрь и декабрь 1914 года.

зами о русской побѣдѣ въ Галиціи“,—читаемъ въ одномъ письмѣ, а въ другомъ очень живо разсказывается, какъ, по поводу русскихъ побѣдъ, англійскіе солдаты въ окопахъ, при участіи французскихъ музыкантовъ, устроили русскій концертъ, и какъ нѣмецкіе снаряды помѣшали этому проявленію пріязни. На британскихъ броненосцахъ матросамъ показываютъ въ кинематографическихъ снимкахъ картины изъ русскаго быта, и тѣ встрѣчаютъ ихъ съ большимъ энтузіазмомъ. Въ свое „мы“ они все больше включаютъ и насъ. Въ ихъ письмахъ есть много свидѣтельствъ такого сліянія съ нами.

Рождественское перемирие враговъ. Нѣмецкій солдатъ подходитъ въ сочельникъ къ англійскимъ окопамъ съ маленькой елкой въ рукѣ.
Рис. Фр. Вильерса.

Х.

„ВЪ ЧЕЛОВѢЦХЪ БЛАГОВОЛЕНІЕ“.

Бываетъ,—хоть рѣдко, хоть разъ за весь годъ,—что въ это „мы“ включаются ими и нѣмцы.

Къ концу декабря, къ Рождеству, нѣмецкіе окопы, какъ нарочно, такъ придвинулись къ окопамъ англи-

чанъ, что у заклятыхъ враговъ явился неодолимый соблазнъ: сблизиться другъ съ другомъ хоть на мигъ, осуществить среди пожара и крови, хотя бы въ мимолетной иллюзіи, тотъ „на землѣ миръ“, то „въ человѣцкихъ благоволеніе“, о коихъ въ этотъ поэтический день поется въ церквахъ всего міра.

И случилось небывалое, никѣмъ непредвидѣнное: люди, пришедшіе убивать и свирѣпо калѣчить другъ друга, вдругъ, словно сговорившись, потянулись другъ къ другу душой, стали сблизаться, брататься. Если бы не огромное множество писемъ, гдѣ изображается это братаніе, я подумалъ бы, что здѣсь беллетристика.

Извѣстный корреспондентъ Діонео въ январской книжкѣ „Рус. Зап.“ приводитъ такое письмо одного англійскаго солдата къ роднымъ:

— „Я писалъ уже вамъ, что наши траншеи находятся всего въ тридцати или сорока ярдахъ отъ непріятельскихъ. Наши ребята часто кричатъ нѣмцамъ и получаютъ отвѣтъ. И вотъ вчера происходитъ слѣдующее:

— Здравствуйте, Фрицъ!—кричатъ изъ нашей траншеи.

Нѣтъ отвѣта.

— Здравствуйте, Фрицъ.

Отвѣта нѣтъ.

— Слышите, Фрицъ?—Здравствуйте!

— Здравствуйте,—раздается наконецъ изъ германской траншеи.

— Какъ поживаете?

— Ничего, ладно.

— Идите къ намъ, Фрицъ.

— Нѣтъ. Если я вамъ покажусь, вы меня подстрѣлите.

— Нѣтъ, не подстрѣлимъ. Перелѣзайте.

— А вы правду говорите?

— Жарьте сюда, Фрицъ. Мы вамъ папирось дадимъ.

— Нѣтъ. Вы выходите, а я васъ встрѣчу между траншеями.

— Ладно!

Одинъ изъ нашихъ ребятъ набилъ послѣ этого карманы папиросами и вылѣзъ изъ траншеи. Нѣмецъ тоже вылѣзъ. Солдаты встрѣтились между траншеями и обмѣнялись рукопожатіями. Нѣмецъ получилъ папиросы и далъ нашему солдату шоколадъ. Вылѣзли съ обѣихъ сторонъ нѣмцы и наши, подошли другъ къ другу, поздоровались за руку. Другіе махали шапками. Бесѣда продолжалась полчаса, а затѣмъ мы и нѣмцы снова залѣзли въ траншеи, чтобы стрѣлять другъ въ друга. Черезъ часъ два моихъ товарища, неосторожно показавшіеся, были убиты“.

.....

Этому внезапному братанію враговъ г. Діонео посвящаетъ цѣлую главу своей статьи. Перепечатаваемъ эту главу, ибо она, какъ и наши наброски, основана на письмахъ британскихъ солдатъ.

— „Я долженъ сообщить вамъ о самомъ интересномъ Рождествѣ, которое я когда-либо пережилъ, — пишетъ своимъ родителямъ въ Лондонъ молодой волонтеръ. — Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что высшія власти отказались объявить перемиріе во время Рождества, но солдаты тѣмъ не менѣе установили сами миръ. Наканунъ Рождества я съ другими товарищами носилъ дрова въ траншеи отъ наступленія ночи до часа утра. Все это время въ нашихъ и нѣмецкихъ траншеяхъ солдаты пѣли и трубили въ трубы. Обѣ стороны иллюминировали края своихъ траншей фонарями. Несмотря на то, что сіялъ полный мѣсяцъ, мы свободно шли съ охапками дровъ. Не раздалось ни единого выстрѣла. Слѣдующій день могъ бы составить новую главу въ какомъ-нибудь рождественскомъ разсказѣ Диккенса. Многіе изъ нашихъ ребятъ вышли изъ траншей и встрѣтились съ нѣмцами на полпути. Я тоже подошелъ къ непріятелю. Мы съ нѣмецкими солдатами снялись вмѣстѣ группой и обмѣнялись сувенирами. Мнѣ дали ленту и карточку баварскаго наслѣднаго принца“.

— „Наши траншеи такъ близко къ непріятельскимъ,— пишетъ англійскій офицеръ своей женѣ (письмо появилось въ „Morning Post“),—что англичане и нѣмцы могутъ даже переговариваться. И вотъ такимъ-то образомъ установлено было неформальное перемиріе по случаю Рождества и Новаго года. Во всякомъ случаѣ перемиріе состоялось тамъ, гдѣ противъ насъ находились саксонцы. Когда наступилъ праздникъ, англичане и нѣмцы вылезли изъ траншей и первымъ дѣломъ стали развѣшивать бѣлье. Внезапно издалека залетѣла и разорвалась граната. Всѣ юркнули обратно въ траншеи, какъ кролики въ норы“.

— „Нѣмцы показались въ день Рождества изъ своихъ траншей, отстоящихъ отъ нашихъ всего на разстояніи 50 ярдовъ,— пишетъ другой англійскій офицеръ (беру письмо изъ „Daily Telegraph“).— Они подняли руки въ знакъ мира и послали парламентаровъ до середины пространства, раздѣляющаго наши траншеи. Нѣмцы положили на землю сигары. Затѣмъ подошелъ солдатъ, посланный нами. Они обмѣнялись рукопожатіями съ непріателемъ.“

— Установимъ перемиріе на день,—сказали нѣмцы.— Въдь сегодня Рождество. Не будемъ стрѣлять. Пусть обѣ стороны похоронятъ сперва убитыхъ.

Вмѣсто пальной вѣтви, нѣмцы вручили нашему солдату елочку. И такимъ образомъ стрѣльба прекратилась на день. У меня составилось такое представленіе, что нѣмцы, за исключеніемъ пруссаковъ, тяготятся уже войной и желали бы, чтобы заключенъ былъ миръ. Я не сказалъ бы, что это обусловливается усталостью германскихъ солдатъ или тѣмъ, что ихъ плохо кормятъ; но ихъ тяготитъ война вообще“.

— „Въ сочельникъ—, пишетъ другой офицеръ*),—нѣмцы иллюминировали свои траншеи и крикнули, что сподручатъ намъ пѣсню. И дѣйствительно спѣли. Мы поблагода-

*) „Daily Telegraph“, December 31, 1914.

рили и отвѣтили тѣмъ же. На слѣдующій день мы всѣ вышли изъ траншей, подошли къ нѣмцамъ и обмѣнялись съ ними рукопожатіями и гостинцами.

Тѣ нѣмецкіе солдаты, съ которыми я бесѣдовалъ, оказались очень хорошими малыми. Большею частью то были студенты. Одинъ изъ нихъ гдѣ-то раздобылъ цилиндръ да черный сюртукъ, напялилъ и сталъ плясать. Все это было очень забавно. Весь день не прозвучалъ ни одинъ выстрѣлъ“.

— „День Рождества прошелъ у насъ чудесно, — пишетъ англійскій волонтеръ своей сестрѣ. — Мы всѣ выѣзли изъ траншей и бесѣдовали цѣлый день съ нѣмцами. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ по-англійски. Кое-кто изъ нашихъ волонтеровъ знаетъ ихъ языкъ. Нѣмцы совсѣмъ не кажутся такими дьяволами, какъ ихъ изображаютъ. Видя насъ мирно бесѣдующими, вы не повѣрили бы, что за нѣсколько часовъ до того мы готовы были перегрызть горло другъ другу“.

— „Въ сочельникъ, лишь только стемнѣло, нѣмцы стали кричать намъ изъ траншеи, желая намъ счастливо провести праздникъ, — пишетъ англійскій солдатъ. — Нѣкоторые нѣмцы произнесли даже цѣлыя рѣчи. Тогда же установлено было перемиріе на слѣдующій день. Рано утромъ нѣмцы начали показываться изъ траншей. Два нѣмца выступили впередъ, подошли къ срединѣ пространства, раздѣляющаго траншеи, и показали бутылку. Я и мой товарищъ вышли навстрѣчу, неся въ рукахъ нѣсколько коробокъ съ шоколадомъ. Мы обмѣнялись рукопожатіями, и тотчасъ же нѣмцы и наши стали аплодировать. Мы выкурили съ парламентарями трубку и распили бутылку вина, затѣмъ мы передали нѣмцамъ шоколадъ. Черезъ нѣсколько минутъ всюду видны были группы дружески бесѣдовавшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ солдатъ. А между тѣмъ вдаль не переставали ревѣть пушки. Мы пѣли для нѣмцевъ и они для насъ рождественскіе гимны. Затѣмъ изъ непріятельской траншеи пришли два нѣмецкихъ офицера и два солдата.

Они принесли намъ двѣ бутылки виски, ящикъ сигаръ и большой рождественскій пряникъ“.

— „Трудно представить себѣ болѣе удивительное зрѣлище,—пишетъ другой англійскій солдатъ *).—Наши солдаты и нѣмцы стояли группами или гуляли между траншеями, какъ будто дѣло происходило въ Гайдъ-паркѣ. Всѣ искали сувениры въ видѣ осколковъ гранатъ. Въ другое время каждый изъ насъ или изъ нѣмцевъ, поднявшій на дюймъ голову надъ краемъ траншеи, сдѣлалъ бы это въ послѣдній разъ. Нѣмцы оказались саксонцами. Повидимому, они очень хорошіе малые. Курьезно то, что нѣкоторые изъ нихъ жили въ Лондонѣ. Я встрѣтилъ одного нѣмца, съ которымъ ежедневно по утрамъ отправлялся въ одномъ и томъ же поѣздѣ изъ Финчли (окраина Лондона) въ Сити. Саксонцы предложили намъ сыграть въ футболъ, но у насъ не было, къ сожалѣнію, мяча. Мирная бесѣда продолжалась до самаго вечера“.

— „Наканунѣ Рождества выстрѣлы не прекращались,—пишетъ англійскій майоръ своей женѣ **).—Часамъ къ шести выстрѣлы стали затихать. Умолкли наконецъ даже „snipers“ (лучшіе стрѣлки, „снимающіе“ офицеровъ, махальщиковъ и т. д.). Мы сидѣли у бивуачнаго огня, когда часовъ въ 11 вечера явился возбужденный, запыхавшійся пѣхотный офицеръ, сообщившій намъ, что солдаты установили перемиріе на одинъ день и теперь братаются уже съ непріателемъ. Уже съ вечера мы видѣли, что нѣмецкія траншеи иллюминированы, и что въ нихъ очень шумно.

— Почему вы, англичане, не идете къ намъ!—кричали съ вечера нѣмцы.

— Человѣкъ! Сюда! — кричали въ отвѣтъ наши остряки ***).

Въ десять часовъ солдаты установили перемиріе. Я

*) „Daily Chronicle“, December 30, 1914.

**) „Pall Mall Gazette“, December 30, 1914.

***) До войны въ англійскихъ ресторанахъ большинство лакеевъ были нѣмцы.

вылѣзъ съ товарищемъ изъ траншеи и вышелъ за линію проволочныхъ загражденій. Мы узнали, что солдаты условились не стрѣлять до полуночи 25-го декабря. Одинъ изъ нашихъ солдатъ отправился парламентаремъ къ нѣмцамъ, и все было рѣшено. Утромъ пространство между траншеями представляло удивительное зрѣлище. На стражѣ стояли только два невооруженныхъ человѣка. Условлено было между солдатами, что поправлять проволочныя загражденія во время перемирія нельзя. Дальше уговорено было, что одинъ случайный выстрѣлъ не пойдетъ въ счетъ и не будетъ признанъ нарушеніемъ перемирія... Вышли не только солдаты, но и офицеры. Даже нашъ полковникъ вышелъ, чтобы посмотреть, „что наладили ребята“,—по его выраженію. Къ намъ навстрѣчу вышли два молодыхъ нѣмецкихъ офицера. Мы салютовали и обмѣнялись потомъ рукопожатіями. Потомъ мы предложили другъ другу сигары. Къ сожалѣнію, нѣмецкіе офицеры очень плохо говорили по-англійски и знали лишь нѣсколько словъ по-французски, а наши офицеры всѣ вмѣстѣ едва могли слѣпить двѣ-три фразы по-нѣмецки. Наконецъ пришелъ солдатъ, говорившій хорошо по-англійски и взявшійся быть переводчикомъ. Нѣмецкіе офицеры были почти мальчишки. Они ужасно вѣжливы и непрерывно щелкаютъ каблуками... Днемъ мы обѣдали вмѣстѣ съ нѣмецкими офицерами въ полуразрушенномъ домѣ, стоящемъ на „нейтральной почвѣ“. Такъ странно было находиться тамъ, гдѣ постоянно свищутъ пули!“

— „Я только-что бесѣдовалъ съ нѣмецкими офицерами,—пишетъ своей женѣ англійскій капитанъ *).—Мы обмѣнялись сигарами, папиросами и почтовой бумагой. Нѣмцы—веселый, жизнерадостный народъ. Во время перемирія мнѣ казалось дикимъ, что мы стремимся подстрѣлить другъ друга... Стрѣльба прекратилась. И предупреждающій выстрѣлъ раздавался только тогда, когда

*) „Daily Telegraph“, December 30, 1914.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Рождественское перемирие враговъ.

Нѣмцы и англичане, выйдя изъ ближайшихъ окоповъ, благодушно позируютъ передъ офицеромъ-фотографомъ.

какая-нибудь сторона пыталась поправить проволочныя загражденія. Вечеромъ наши офицеры и солдаты пѣли рождественскіе гимны для нѣмцевъ, а послѣдніе — для насъ“.

— „Какое странное Рождество провелъ я!—пишетъ англійскій майоръ *). — Весь день прошелъ совершенно спокойно, если не считать единичныхъ выстрѣловъ со стороны snipers, да и то съ фланговъ. На пространствѣ, раздѣляющемъ наши траншеи, сошлись наши солдаты и нѣмцы, смѣшались вмѣстѣ и мирно бесѣдовали. Нѣкоторые изъ насъ спустились даже въ германскія траншеи, гдѣ пробыли нѣкоторое время. Непріятель угощалъ солдатъ, явившихся къ нему. Затѣмъ устроился одинъ общій пиръ. Англичане пѣли, а саксонцы старательно подтягивали... Саксонцы предупреждали англичанъ не подаваться слишкомъ налѣво, такъ какъ тамъ траншеи заняты пруссаками, которые будутъ стрѣлять. Въ самомъ дѣлѣ. Когда на лѣвомъ флангѣ наши показались изъ траншей, пруссаки пустили нѣсколько пуль. Саксонцы и англичане вечеромъ 25-го декабря устроили большой концертъ, продолжавшійся до полуночи, когда враждебныя дѣйствія начались“. — „Мы играли для нѣмцевъ, а они для насъ, — пишетъ англійскій солдатъ. — Нѣмцы отлично сыграли намъ такія пѣсни, какъ „Home, Sweet Home“ и „Tipperary“, а мы сыграли ихъ любимыя пѣсни. Затѣмъ всѣ вылѣзли изъ траншей, смѣшались въ кучу, жали другъ другу руки, махали шапками и кричали „ура“. И ни одного выстрѣла! Пѣнье и братанье продолжались всю ночь съ 24-го на 25-е декабря и весь день Рождества. Одинъ нѣмецкій офицеръ снялъ насъ группой. На карточкѣ видны обнявшіеся нѣмецкій и англійскій солдаты, обмѣнявшіеся головными уборами. Мы сыграли одинъ „матчъ“ въ футболъ. До того мы прилично похоронили убитыхъ, лежавшихъ у траншей, при чемъ нѣмцы, безъ шапокъ, помогали намъ... Нѣмецкіе солдаты, во всякомъ случаѣ, саксонцы, очень хорошіе ребята; о нихъ я теперь неизмѣримо лучшаго мнѣнія, чѣмъ раньше“.

— „Вчера была удивительная ночь, — пишетъ англій-

*) „Manchester Guardian“, December 30.

скій солдатъ *), — я пѣлъ для нѣмцевъ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ нихъ. Началось это такъ. Въ сочельникъ мы крикнули изъ траншей нѣмцамъ: „Счастливо вамъ встрѣтить Рождество!“ Непріятель отвѣтилъ такими же пожеланіями.

— Англичане, спойте намъ что-нибудь! — крикнули потомъ нѣмцы. — Мы зажгли свѣчи въ траншеяхъ, открыли молитвенники и спѣли:

While shepherds watch'd their flocks by night,
All seated on the ground,
The Angel of the Lord came down,
And glory shone around **).

(Когда пастухи, стерегшіе стада, сидѣли въ ночи на землѣ, спустился къ нимъ ангелъ Господній, и сіяніе засвѣтилось кругомъ).

Когда мы кончили, нѣмцы изъ своихъ траншей прокричали намъ трижды „ура“. Мы попросили ихъ спѣть. Нѣмцы согласились тотчасъ же и пѣли чудесно. На другой день наши солдаты, поднявъ бѣлый флагъ, вышли изъ траншей и дошли до проволочныхъ заграждений, гдѣ встрѣтились съ нѣмецкими солдатами и условились не стрѣлять до полуночи. Перемиріе состоялось. Цѣлый день не было даже отдѣльных выстрѣловъ со стороны snipers“.

— „Какой удивительный день! — восклицаетъ лондонскій волонтеръ въ письмѣ къ пріятелю ***). — Перемиріе по инициативѣ солдатъ установилось такъ. Въ сочельникъ, въ половинѣ восьмого вечеромъ, нѣмцы иллюминировали свои траншеи и начали пѣть хоромъ. Потомъ они крикнули, приглашая кого-нибудь изъ насъ прійти и распить бутылку вина. Одинъ изъ насъ принялъ приглашеніе, пошелъ къ нѣмцамъ въ траншею и понесъ съ собою гостинцы. Затѣмъ мы условились не стрѣлять до

*) „Daily News“, December 30, 1914.

**) Одинъ изъ самыхъ старыхъ и самыхъ трогательныхъ англійскихъ рождественскихъ гимновъ.

***) „Westminster Gazette“, December 30, 1914.

полуночи слѣдующаго дня. На слѣдующее утро мы всѣ вылѣзли изъ траншей и обмѣнялись съ нѣмцами рукопожатіями. У нашей траншеи въ канавѣ лежали десять труповъ нѣмцевъ, убитыхъ, когда они подбирались къ проволочнымъ загражденіямъ. Мы помогли германскимъ солдатамъ прилично похоронить товарищей. Нѣмцы кажутся очень хорошими людьми. Нѣкоторые солдаты сказали мнѣ, что война тяготитъ ихъ, и что они желали бы мира“. Молодой англійскій офицеръ пишетъ отцу, что перемиріе состоялось всюду, гдѣ передъ англичанами были не пруссаки. Молодой человѣкъ описываетъ, какъ дружески бесѣдовали англичане съ нѣмцами, какъ обмѣнивались визитными карточками и сувенирами и какъ играли вмѣстѣ. И вспоминаются слова Толстого, описывающаго, какъ солдатъ Сидоровъ говоритъ по-французски: „Послѣ этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать снаряды и разойтись поскорѣе всѣмъ по домамъ. Но ружья остались заряжены, бойницы въ домахъ и укрѣпленіяхъ такъ же грозно смотрѣли впередъ, и такъ же, какъ прежде, остались другъ противъ друга обращенныя, снятыя съ передковъ пушки“.

— „Сегодня перемиріе кончено. Если кто-нибудь покажетъ голову хоть на мигъ изъ траншеи, то сдѣлаетъ это въ послѣдній разъ“, — пишетъ молодой англійскій офицеръ.

.....

„Надо быть, конечно, очень большимъ оптимистомъ, чтобы обобщать такія явленія, какъ описанныя выше, и придавать имъ слишкомъ большое значеніе, но они тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, характерны, показывая, что воюющіе крайне охотно отрекаются отъ „звѣринаго“ чувства...“—такъ заканчиваетъ г. Діонео многознаменательныя цитаты изъ писемъ.

Лондонскій корреспондентъ „Русскаго Слова“ цитируетъ еще болѣе эффектныя письма объ этомъ изумительномъ общеніи враговъ:

Заяц—примиритель враговъ.

И англичане и нѣмцы, увидѣвъ пробѣгающаго зайца, кинулись за нимъ сообща, на минуту забывъ о враждѣ. Рис. Д. Голидзѣ. «The Graphic».

— „У одного изъ нѣмцевъ оказался аппаратъ, и мы снялись группой: дюжина нашихъ и столько же нѣмцевъ,—пишетъ одинъ офицеръ.—Четыре парня изъ моей роты снялись съ нѣмцами обнявшись. Другіе усѣлись вокругъ нашего ротнаго командира съ другимъ офицеромъ и двумя нѣмецкими офицерами. Ихъ окружила толпа англійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, и такъ они снялись“.

Что касается взаимныхъ подарковъ, то одинъ солдатъ заявляетъ:

— „Я когда стоялъ на часахъ, то весь день курилъ нѣмецкія сигары и цѣлую ночь ѣлъ нѣмецкій шоколадъ“.

Само собой разумѣется, что новые и неожиданные друзья произвели другъ на друга самое лучшее впечатлѣніе.

— „Это добрые ребята... это настоящіе джентльмены, отличные товарищи“, — такія и тому подобныя аттестаціи попадаются почти во всѣхъ письмахъ.

— „Я слышалъ, что вечеромъ опять начнется бой, — пишетъ одинъ солдатъ, — только лучше бы намъ пришлось драться противъ другихъ окоповъ, а не противъ нашихъ рождественскихъ друзей“. („Русское Слово“, 1914 г. 24 дек.).

Нѣмцы, со своей стороны, проявляютъ неохоту драться.

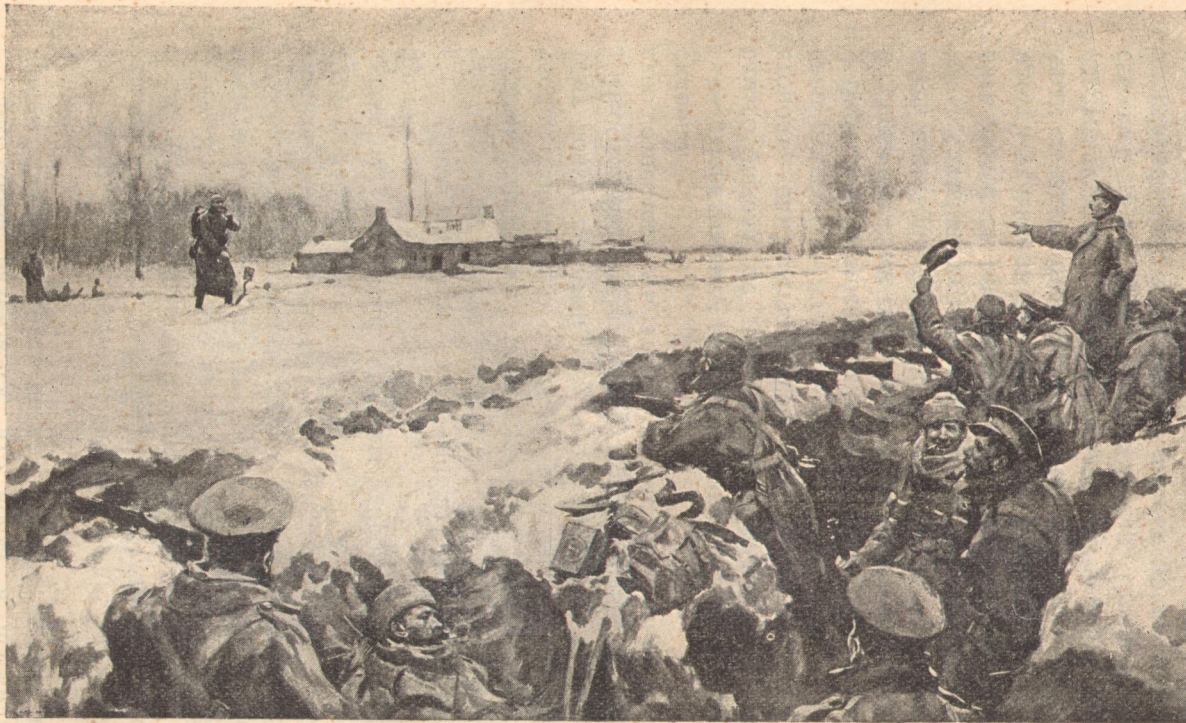
— „Они говорили намъ, — пишетъ одинъ солдатъ, — что, „если вы завтра не будете стрѣлять, мы тоже не будемъ стрѣлять“. На завтра насъ смѣнили, но мы, уходя, сообщили о сдѣланномъ нѣмцами предложеніи тому полку, который насъ смѣнилъ“.

Необходимо отмѣтить, впрочемъ, что высшее начальство отнеслось къ этимъ уговорамъ весьма неблагоприятно.

— „Повидимому, всѣ наши рождественскія затѣи съ самаго начала не понравились начальству съ обѣихъ сторонъ, — замѣчаетъ другой, — но люди взяли дѣло въ свои руки“.

Впрочемъ, атмосфера была такова, что вліянію ея поддавались сами офицеры. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одинъ полковникъ:

— „Сегодня утромъ я обошелъ окопы, чтобы поздравить людей съ праздникомъ. Возвращаясь изъ обхода, я вдругъ услышалъ клики „ура“ и увидѣлъ, какъ наши люди съ одной стороны, а нѣмцы — съ другой бросились навстрѣчу другъ другу и, сойдясь на полпути, привѣтствовали другъ друга рукопожатіями. Сначала это мнѣ не понравилось, я приказалъ своимъ людямъ вернуться, но мнѣ сказали, что они хотятъ перемирія на одинъ день, чтобы похоронить убитыхъ. Я согласился и, при-

Рождественское перемирие враговъ. Нѣмцы устанавливаютъ жестанку между своими и англійскими окопами для мирнаго состязанія въ стрѣльбѣ. Рис. А. Э. Микаэля.

казавъ половинѣ своихъ людей охранять траншеи, пошелъ впередъ и присоединился къ толпѣ, стоявшей между позиціями. Здѣсь я встрѣтилъ саксонца, который хорошо говорилъ по-англійски и служилъ мнѣ переводчикомъ, въ то время какъ вокругъ меня толпились нѣмцы—простые солдаты и унтеръ-офицеры. Я пробылъ тутъ почти цѣлый часъ и говорилъ нѣмцамъ, что, если бы они захотѣли установить перемиріе на Новый годъ, то мы могли бы съ ними сыграть въ футболъ на пространствѣ между позиціями“. („Рус. Слово“, 1914, декабрь).

Не слѣдуетъ думать, что только день Рождества произвелъ на британскихъ солдатъ столь волшебное дѣйствіе. Еще задолго до этого дня въ лондонской газетѣ „Daily News“ мнѣ попало такое письмо:

— „Наши окопы такъ близки къ нѣмецкимъ, что мы болтаемъ съ непріателемъ цѣлые дни. Наши поднимаютъ на палку жестянку, и кричатъ:

— Ну-ка, Миллеръ, валяй!

И Миллеръ немедленно пробиваетъ жестянку насквозь. Онъ очень хорошій стрѣлокъ; наши знаютъ всю его біографію“. (14 декабря 1914. Письмо лейтенанта Нильера).

Купанье команды на англійскомъ броненосцѣ, на декѣ судна.

XI

СОБЫТІЯ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

Въ этихъ очеркахъ не нашли отраженія славнѣйшія дѣянія британцевъ: Невъ-Шапельская битва, бомбардировка Дарданелль и т. д.

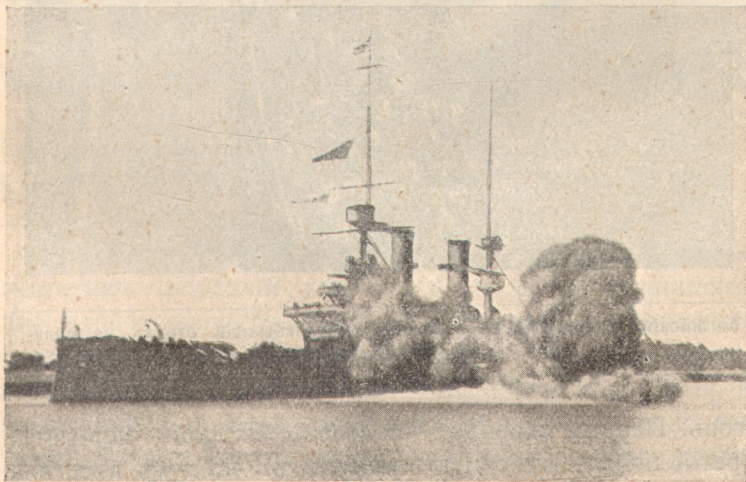
Писемъ о нихъ появилось немало, но я какъ-то не успѣлъ ихъ собрать. Приведу то небольшое, что попалось мнѣ подъ руку. Вотъ о Дарданелльской кампаніи. Пишетъ своей матери морской офицеръ съ броненосца средиземной эскадры и, конечно, по англійской привычкѣ, превращаетъ свое письмо въ доскональный подробный отчетъ, подкрѣпленный точнѣйшими цифрами.

— „Все было очень интересно, занятно, забавно. Мы побывали подъ огнемъ, — и хоть бы что! Произошло это такъ: вчера нѣсколько офицеровъ были посланы въ небольшой миноносекъ осмотрѣть тѣ форты, которые подлежатъ атакѣ. Тронулись мы въ 1 ч. 30 мин. Забрались въ кубрикъ и помчались съ быстротою экспресса. Впереди было 10 миль, и мы прошли ихъ въ 20 минутъ. Предстояло пройти очень близко мимо одного изъ ту-

рецкихъ фортовъ, путь къ которому былъ загражденъ минами,—но мы скоро превратили этотъ фортъ въ груды камней и развалинъ, и, лишь когда вернулись на наши позиціи, раздалась турецкіе выстрѣлы, но очень плохіе: хотя мы стояли вблизи, и попасть въ насъ было не трудно,—ни одинъ снарядъ не попалъ.

22-го февраля. Сегодня первый выстрѣлъ былъ нашъ; мы стояли къ фортамъ ближе всѣхъ, и все же турки не могли въ насъ попасть. Завтра мы подойдемъ къ нимъ вплотную и окончательно расправимся съ ними. Думаю, что пріемъ будетъ жаркій. Мнѣ по-сердцу эта боевая тревога; счастливъ и гордъ, что на такой величавой страницѣ исторіи пишу какую-то строчку и я.

25-го февраля. Закипѣла большая работа. Въ пятницу, въ четверть девятого, мы подняли якорь и съ музыкой, очень веселые, выступили на наши позиціи. Въ три четверти десятого раздался сигналъ, и мы бросились кто куда, подъ прикрытія. Въ 9 час. 56 мин. наша лѣвая передняя башня, съ 12-дюймовыми пушками, открыла

Залпъ съ англійскаго крейсера.

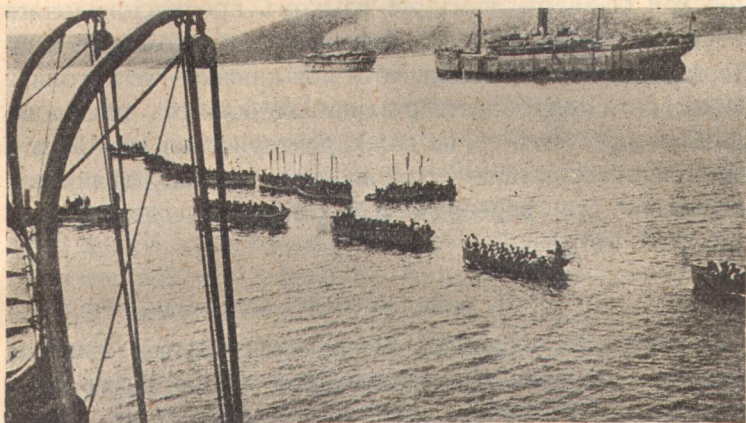

Английскій транспортъ высаживаетъ новоприбывшій отрядъ на полу-островъ Галлиполи.

огонь. Первый снарядъ — недолетъ. Второй — перелетъ. Третій попалъ въ самую точку, и въ воздухъ взлетѣла огромная туча камней, кирпичей, а можетъ-быть, и турокъ и (будемъ надѣяться!) нѣмцевъ. Мы палили въ это мѣсто цѣлый часъ; форты и не пытались отвѣчать.

А потомъ наше мѣсто занялъ другой броненосецъ и продолжалъ нашу работу часа два. Мы же стояли въ сторонѣ и смотрѣли. Пушки непрерывно грохотали; огромное облако сѣраго дыма окутало фортъ, а тутъ еще другой нашъ броненосецъ принялся палить по турецкому лагерю, вызвавъ тамъ пожаръ. Неподалеку отъ этого форта стояли казармы; снаряды полетѣли туда, и тамъ тотчасъ же показалось пламя.

Форты и на этотъ разъ хранили безмолвіе.

Высадка англійскаго десанта въ Галлиполи. Шлюпки не успѣли приблизиться къ берегу, какъ подверглись обстрѣлу турецкихъ батарей.

Въ три часа раздался сигналъ подойти поближе и нанести имъ послѣдній ударъ. Къ намъ присоединились два французскихъ судна. Но на этотъ разъ, едва мы приблизились къ форту, турки открыли огонь. Наступило горячее время. Снаряды такъ и носились надъ нами, а иные пролетали между мачтами. Сдѣлавъ свое дѣло, мы ушли. Дивный вечеръ, ни малѣйшаго вѣтра. Море тихое, и въ немъ безшумно скользятъ сѣрые корабли-великаны. Вдали — возбужденные зрители. Изъ жерлъ пушекъ то тамъ, то здѣсь вылетаетъ кроваво-красное пламя. Вотъ,

надъ какой-то уединенной постройкой — турецкой сигнальной станціей — взвился прямо въ небо дымокъ, и снова воцарилось молчаніе. А на-завтра поднялся такой шквалъ, что о бомбардировкѣ и думать нельзя.

26-го февраля. Сегодня у насъ день грандіозный. Мы разрушили форты у входа, остались только дымящіяся груды развалинъ; всѣ люди, всѣ орудія уничтожены. Мы побывали опять подъ огнемъ, но турки не попали въ насъ ни разу“. („Times“, March 17, 1915).

Въ слѣдующемъ письмѣ къ своей матери тотъ же морской офицеръ тѣмъ же языкомъ профессиональнаго газетнаго корреспондента описываетъ продолженіе этой Дарданелльской кампаніи. Хотя моя книжка — не лѣтопись войны, хотя подробности различныхъ боевыхъ эпизодовъ мало интересуютъ ее, но для характеристики англійскаго эпистолярнаго стиля привожу это письмо цѣликомъ, заимствуя его переводъ изъ газеты „Русское Слово“ (1915, № 140).

На борту „Swiftsure“. Дарданеллы, 10-го мая.

— „Дорогая матушка! Очень благодаренъ вамъ за ваши два письма. За послѣднія три недѣли здѣсь была такая кипучая работа, что я рѣшительно не имѣлъ времени вамъ отвѣтить.

25-го апрѣля, послѣ неоднократныхъ отсрочекъ, мы наконецъ произвели у входа въ Дарданеллы сильный десантъ въ составѣ британскихъ, французскихъ и австралійскихъ войскъ. Ночью мы снялись съ нашей якорной стоянки и подошли къ мѣсту, намѣченному для высадки, на разсвѣтѣ, а именно около половины пятаго утра. Намъ предстояло произвести здѣсь высадку значительнаго отряда британскихъ войскъ. Я поднялся въ это утро около половины четвертаго. Когда я вышелъ на палубу, то увидѣлъ, что море на нѣсколько миль усыяно боевыми судами, транспортами, буксирами, баржами, мелкими пароходиками и катерами. Мы (т.-е. боевые суда) повернули въ бейдевиндъ и, какъ только достаточно

разсвѣло, открыли по берегу адскій огонь изъ всѣхъ орудій, обстрѣливая каждый холмъ, каждую заросль, каждый оврагъ, каждую скалу. За полчаса времени одинъ только нашъ „Swiftsure“ выпустилъ свыше тысячи снарядовъ, и все побережье было буквально засыпано разрывными бомбами. Я думаю, что это была самая жестокая бомбардировка, какую когда-либо знала исторія, и нельзя было себѣ представить, чтобы что-либо живое уцѣлѣло въ этомъ аду. Турки не подавали никакихъ признаковъ жизни, и мы, естественно, надѣялись, что мы ихъ здѣсь всѣхъ „успокоили“. Когда наша бомбардировка прекратилась, къ берегу направилось около десятка пароходовъ, изъ которыхъ каждый тянулъ за собой по шести лодокъ, переполненныхъ солдатами. Когда они подошли уже вплотную къ берегу, спрятавшіеся тамъ турки открыли убійственный пулеметный огонь. Пока пароходики нащупывали мѣсто, гдѣ причалить, много нашихъ людей погибло отъ этого огня. Несчастные раненые падали въ воду и тонули, увлекаемые ко дну тяжестью своихъ ранцевъ и амуниціи. Среди матросовъ, управлявшихъ лодками, также было много раненыхъ и убитыхъ. Какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но тѣ солдаты, которые уцѣлѣли подъ этимъ ливнемъ пуль, несмотря на загражденія изъ колючей проволоки, скрытыя подъ водой, несмотря на острые колья, густо вбитые по дну у самого берега, взобрались таки на берегъ и кинулись въ штыки на турокъ. Турки же сидѣли въ окопахъ, вырытыхъ ярдахъ въ 25-ти отъ линіи причала, съ хорошо укрытыми въ ямахъ пулеметами. Всѣ эти турки были перебиты, а затѣмъ наши люди ринулись въ атаку на прибрежныя высоты. Первыми высадились на берегъ ланкастерскіе стрѣлки, а за ними сейчасъ же послѣдовали уорчестерцы. Это было грандіозное зрѣлище. Невзирая на то, что рядомъ товарищи падали ранеными или убитыми, остальные неудержимо шли впередъ, взбираясь по крутымъ откосамъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, укрываясь за неров-

ностями почвы и отстрѣливаясь черезъ каждые 100 ярдовъ или около того. Добравшись до турецкихъ окоповъ, наши люди кидались въ нихъ со штыками. Тѣ изъ турокъ, которые не были при этомъ переколоты, бѣжали прочь, карабкаясь на окружающія высоты, гдѣ ихъ преслѣдовали снаряды съ нашихъ боевыхъ судовъ, многихъ разорвавшіе въ клочки. Какъ только наши люди укрѣпились на берегу, начали подходить буксиры, высаживая все новыя и новыя войска. Высадились врачи и санитары, подбиравшіе раненыхъ и отправлявшіе ихъ затѣмъ на пловучіе госпитали. Высадились также саперы, которые тотчасъ же принялись прокладывать дорогу, строить дамбу для причала новыхъ судовъ, проводить телефоны. Черезъ какой-нибудь часъ послѣ начала высадки работа у нихъ уже кипѣла. Нѣсколько поодаль отъ мѣста нашей высадки, у деревушки Седиль-Бахръ, подошелъ къ берегу тихоходъ-грузовикъ. На этомъ грузовикѣ въ бортахъ были сдѣланы широкіе прорѣзы; къ нему были принаитовлены по бокамъ двѣ баржи, образуя своего рода заслонъ. На этомъ пароходѣ было около двухъ тысячъ королевскихъ мюнстерскихъ и королевскихъ дублинскихъ стрѣлковъ. Они произвели высадку въ 20 минутъ, хотя и понесли при этомъ тяжкія потери. Мы прозвали этотъ пароходъ „деревянымъ конемъ“ (троянскимъ). Надо замѣтить, что развалины древней Трои были отъ насъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ. Турки, засѣвшіе въ этой деревушкѣ, оказали отчаянное сопротивление, такъ что мы заняли ее только на слѣдующій день, хотя „Альбіонъ“ и разстрѣливалъ ее чуть не въ упоръ изъ своихъ 6-дюймовыхъ орудій.

Какъ только турки послѣ cadaго залпа орудій „Альбіона“ выскакивали изъ деревни, такъ ихъ тотчасъ же начинали разстрѣливать наши солдаты съ берега. Когда солнце перешло за полдень, побережье представляло собой зловѣщую картину. Берегъ у самаго моря былъ усыянъ тѣлами нашихъ убитыхъ (въ одной только группѣ я насчиталъ до 50-ти труповъ). Нѣсколько труповъ по-

висло на проволочныхъ загражденіяхъ по склону холма, какъ будто ставъ жертвами капкановъ смерти. По направленію къ намъ ежеминутно отплывали лодки, переполненные ранеными, и въ то же время на берегъ безпрерывно высаживались свѣжія войска. Плѣнныхъ турокъ, въ числѣ 65-ти, заставили носить камни для сооружения причальной дамбы. Тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ одинъ германскій офицеръ.

Къ вечеру наши люди сами укрѣпились на грядѣ холмовъ, ближайшей къ берегу. Въ то же время они успѣли выгрузить нѣсколько полевыхъ орудій съ лошадьми и достаточное количество боевыхъ припасовъ. Всю ночь напролетъ турки вели отчаянныя контръ-атаки, и по всей линіи всю ночь не прекращалась ружейная трескотня, но всюду непріятель былъ отбитъ съ тяжелыми потерями. На слѣдующее утро нашимъ войскамъ пришлось туго, такъ какъ турки пустили въ дѣло артиллерію, которую они до тѣхъ поръ держали въ резервѣ, и если бы не отвѣтный огонь тяжелыхъ орудій нашего флота, если бы не прибытіе подкрѣпленій,—сначала французскихъ войскъ, потомъ новыхъ британскихъ,—дѣло было бы совсѣмъ плохо. Французы въ первый день операцій высадили небольшой отрядъ на азіатскій берегъ, въ качествѣ диверсіи, чтобы отвести туркамъ глаза. Потомъ этотъ отрядъ былъ возвращенъ на суда, и французы высадились на южной оконечности Галлипольскаго полуострова въ помощь нашимъ войскамъ. Австралійскія и новозеландскія войска высадились въ 10-ти миляхъ дальше къ сѣверу и выполнили эту операцію блестяще, хотя и не безъ тяжелыхъ потерь.

Задача флота состояла въ обстрѣлѣ турецкихъ позицій и батарей, по указаніямъ, которыя намъ дѣлали наши артиллерійскіе офицеры съ берега, а также по сигналамъ нашихъ летчиковъ. Кромѣ того, у насъ былъ еще для наблюденій огромный баллонъ-каптивъ съ телефономъ,—„колбаса“, какъ мы его прозвали. Этотъ баллонъ-каптивъ функционировалъ блестяще и, въ смыслѣ ока-

занныхъ имъ услугъ, стоилъ добраго десятка аэроплановъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней то и дѣло завязывались жаркіе бои.

Намъ удалось выгрузить тысячи лошадей съ повозками и много орудій, въ томъ числѣ нѣсколько орудій большого калибра.

Сначала турки очень охотно предпринимали ночныя атаки,—въ особенности потому, что въ ночное время наши боевыя суда могли оказывать намъ лишь незначительную поддержку огнемъ своихъ орудій. Однако, послѣ цѣлаго ряда отбитыхъ атакъ съ тяжелыми для турокъ потерями, они стали осторожнѣе.

Въ первые два дня пули съ берега часто жужжали надъ нашими палубами, заставляя насъ невольно „раскланиваться“. Однажды пуля ударила въ башенку, возлѣ которой я стоялъ. На крейсерѣ, стоявшемъ рядомъ съ нами, такой же шальной пулей, залетѣвшей на квартердекъ, былъ убитъ одинъ офицеръ. Точно такимъ же образомъ былъ убитъ братъ нашего капитана на борту своего контръ-миноносца, всего лишь нѣсколько дней назадъ присоединившагося къ нашей эскадрѣ. Нѣсколько снарядовъ упало въ море также совсѣмъ близко отъ насъ. Германскіе летчики проявляли какую-то особую непріязнь къ нашему „Swiftsure“ и позже неоднократно пытались сбросить на наше судно свои бомбы. Случалось, что эти бомбы падали очень и очень близко. Нѣсколько пловучихъ минъ было выловлено нами какъ разъ въ-время. Мы стоимъ теперь на якорѣ возлѣ самаго берега; вокругъ насъ транспорты, вспомогательныя суда и проч. Каждый день мы разстрѣливаемъ до двухсотъ снарядовъ изъ тяжелыхъ орудій. Если мы передвигаемся, то лишь для того, чтобы стать въ позицію, болѣе удобную для обстрѣла какого-либо отдѣльнаго пункта, или же для того, чтобы пополнить свой запасъ снарядовъ.

Ежедневно прибываютъ свѣжія войска,—британскія, французскія, индійскія, австралійскія и новозеландскія. Очень интересно наблюдать, какъ они высаживаются.

Вчера и сегодня на позиціяхъ затишье, но передъ этимъ былъ ожесточенный бой. Мы пока еще очень немного продвинулись впередъ, такъ какъ турецкія позиціи очень сильны, и намъ нужно гораздо больше войскъ. Потери турокъ весьма значительны. Нашъ „Swiftsure“ потерялъ двоихъ убитыми и троихъ ранеными (въ лодкахъ). Турки не даютъ пощады нашимъ раненымъ и почти всегда добиваютъ ихъ или, еще хуже того, глумятся надъ ними и обезображиваютъ (нѣмецкая повадка). Въ этомъ смыслѣ нами были установлены потрясающіе факты. Хотя мы взяли въ плѣнъ свыше тысячи турокъ, но наши люди были такъ озлоблены, что съ ними не церемонились. Двухъ германскихъ офицеровъ удалось взять въ плѣнъ живыми, но гораздо больше ихъ убито.

Нѣсколько дней назадъ я съѣхалъ на берегъ на полтора часа (въ первый разъ за два слишкомъ мѣсяца) и имѣлъ случай объѣхать и осмотрѣть поле происходившихъ сраженій.

Мнѣ представляется прямо чудомъ, какъ могли какія бы то ни было войска овладѣть побережьемъ при наличности такой обороны, какая была здѣсь подготовлена. Вся мѣстность буквально, какъ пчелиные соты, изрыта прекрасно-оборудованными турецкими окопами, пещерами для укрытія орудій и загражденіями изъ колючей проволоки, обрывокъ которой, между прочимъ, лежитъ передъ моими глазами, когда я пишу вамъ эти строки. Въ особенности чудовищна была изобрѣтательность враговъ въ устройствѣ загражденій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти загражденія достигали 7 футовъ вышины, при 80 ярдахъ ширины. На всемъ этомъ пространствѣ проволока переплеталась густой сѣтью, представляя собой настоящій капканъ съ острыми и длинными шипами. Въ то же время самая проволока была такой толщины, что съ ней нельзя было справиться при помощи обыкновенныхъ ножницъ для проволоки, какими пользуются наши саперы. Мѣстность вся гористая и покрытая густыми зарослями кустарника, такъ что и съ этой стороны всѣ

условія благопріятствовали отчаянной оборонѣ. На нѣсколько миль вокругъ берегъ былъ усѣянъ всевозможными обломками, пустыми жестянками изъ-подъ мясныхъ консервовъ, ящиками, стрѣлянными гильзами, штыками, обрывками ремней отъ амуниціи, а больше всего—лоскутами турецкаго платья, зачастую изъ матерій чудеснаго рисунка и выдѣлки. Кое-гдѣ еще виднѣлись трупы турокъ, но бѣльшая часть убитыхъ къ этому времени была уже погребена.

Лагерь нашихъ войскъ представляетъ собою настоящій городокъ, хотя, впрочемъ, солдаты располагаются въ землянкахъ, а не въ палаткахъ. Палатками пользуются только для госпиталей, для штабныхъ учреждений и т. п. Здѣсь тысячи лошадей съ повозками, автомобили, велосипеды, орудія, ящики съ провіантомъ... Все это расположено въ образцовомъ порядкѣ, какъ у хорошаго повара въ кухнѣ. Весь берегъ кишитъ солдатами, матросами и крѣпостниками-греками, разгружающими отъ разнаго скарба баржи и лодки, выстроившіяся вдоль трехъ причальныхъ дамбъ.

Поднимаясь на холмъ, мы встрѣтили офицера верхомъ и рядомъ съ нимъ пѣшаго солдата. Оба они были въ обыкновенной британской формѣ, но разговаривали между собой по-русски. Я остановилъ ихъ, чтобы спросить, откуда они, и узналъ, къ своему удивленію, что они принадлежатъ къ добровольческому батальону русскихъ евреевъ изъ Палестины, которые нѣсколько мѣсяцевъ назадъ были изгнаны оттуда турками. Здѣсь ихъ 500 человекъ со своими офицерами, подъ общей командой офицера-англичанина, и, кромѣ того, еще нестроевой отрядъ въ 200 человекъ, также добровольцевъ. Вы только вообразите себѣ: еврейскій полкъ, добровольно отправляющійся сражаться!

На пути намъ пришлось пересѣчь совершенно открытую мѣстность. Въ это время совсѣмъ подлѣ насъ разорвались два снаряда, но на берегу подобныя приключенія кажутся почему-то менѣе жуткими, чѣмъ на

бортѣ корабля, и солдаты совсѣмъ даже не обратили вниманія на разорвавшіеся снаряды.

Само собою разумѣется, что главная работа для нашего флота начнется только тогда, когда войска достаточно продвинутся внутрь полуострова и получатъ возможность обстрѣливать форты изъ тяжелыхъ орудій. Тогда начнется рѣшительная атака на форты и съ суши и съ моря. Я не сомнѣваюсь, что въ урочное время мы доберемся до Константинополя, но на это можетъ понадобиться нѣсколько мѣсяцевъ. Все-таки мы пройдемъ отсюда въ Черное море.

Погода здѣсь стоитъ превосходная, — днемъ жарко, ночью прохладно, и совсѣмъ мало дождей. Трудно пожелать лучшаго климата для людей, вынужденныхъ вести боевую жизнь. Если бы только наши потери не были такими тяжелыми, все было бы отлично“.

А вотъ и пресловутая новинка нѣмецкой стратегіи—ядовитый, удушающій газъ, въ описаніи британскаго солдата:

— „Въ четвергъ послѣ обѣда, въ половинѣ пятого, — пишетъ солдатъ, — наши развѣдчики донесли объ отступленіи французовъ и лѣваго фланга канадской дивизіи. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, дувшій прямо отъ непріятеля къ французскимъ траншеямъ, сталъ удушливымъ и тошнотворнымъ. Мы поняли, что весь онъ налитъ какими-то ядовитыми газами. Дымъ двигался прямо на насъ живой зеленой стѣной въ четыре фута высоты и въ нѣсколько сотъ ярдовъ длины. 200 ярдовъ этой стѣны захватили нашъ лѣвый флангъ. Понемногу она поднималась все выше, и вскорѣ мы услышали какіе-то странные крики, и изъ этого зеленого тумана, значительно уже порѣдѣвшаго, стали выскакивать люди, словно ошарашенные, шатаясь, какъ пьяные, бѣжали къ намъ — и падали замертво, хотъ и не были ранены. На лицахъ у многихъ появилась предсмертная судорога. Эти бѣжавшіе изъ строя солдаты были лучшими солдатами въ мірѣ; ихъ выдержка и стойкость въ бою служили примѣромъ для всѣхъ. И вотъ они бѣгутъ къ

Отравленные газы въ английской траншеѣ.
Набросокъ С. Кюнео въ «Illustr. War News».

Маска противъ удушающихъ газовъ: ре-
спираторъ съ автоматическимъ клапаномъ.

намъ, качаясь, какъ
пьяные, и въ паникѣ
пробираются сквозь
наши ряды...“ („Ti-
mes“, April 28, 1915).

Вначалѣ была хоть
надежда, что эти ядо-
витые газы приносятъ
легкую и быструю
смерть. Умереть отъ
пули, отъ шрапнели
мучительно, а здѣсь
какая-то нирвана, по-
лусонъ. Оказывается,
это не такъ. Нѣтъ
страшнѣе смерти,
чѣмъ смерть отъ
этого новаго яда.

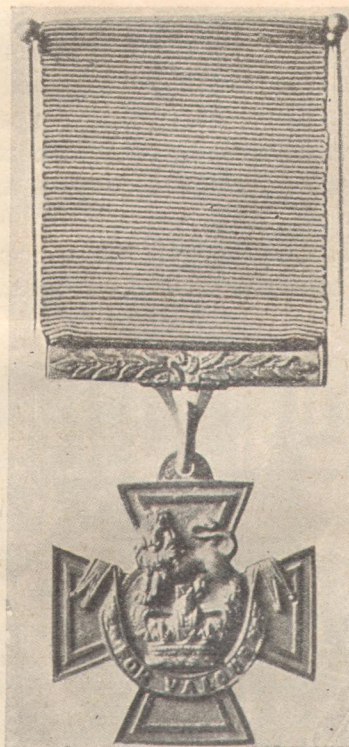
— „Въ нашемъ го-

спиталѣ много отравленныхъ,—пишетъ одинъ офицеръ.— Ихъ стоны ужасны. Тѣла ихъ черны, какъ смола. Лица тоже. Глаза пылають. Изъ рта идетъ пѣна. Они задыхаются. Легкія у нихъ полны ядовитою жидкостью, и доктора говорятъ, что ихъ состояніе напоминаетъ предсмертныя конвульсіи утопленниковъ. Врачи и сидѣлки работаютъ дни и ночи напролетъ, чтобы облегчить ихъ мученія“.

— „Изъ двадцати человѣкъ,—пишетъ другой офицеръ,— восемьро умерло прошлой ночью, а затѣмъ

Респираторы, которые спасли имъ жизнь. Эти три англійскихъ солдата были ранены и не могли выбраться изъ траншей, наполненныхъ ядовитыми нѣмецкими газами. Но „противогазы“ сберегли ихъ отъ смерти.

Крестъ Викторіи (Victoria Cross, подлинный размѣръ). Основанъ въ 1856 году, по окончаніи крымской кампаніи, въ качествѣ высшей награды «за доблестныя дѣянія и преданность родинѣ, оказанныя передъ лицомъ врага», — какъ гласитъ орденскій статутъ. Маленькій чугунный крестикъ, стоимостью въ нѣсколько пенни, не имѣетъ степеней, и его съ одинаковой гордостью носятъ и принцы крови, и простые солдаты, и штатскіе добровольцы. До настоящей войны этотъ крестъ получили всего пятьсотъ двадцать два чело-вѣка. Крестъ этотъ главнымъ образомъ дается тѣмъ, которые смогли спасти жизнь другого... Такъ, во время дѣла подъ Бала-клавой одинъ лейтенантъ полу-чилъ крестъ за то, что, услышавъ, что сержантъ его полка отсталъ отъ своихъ изъ-за хромавшей ло-шади, — вернулся назадъ и вы-рвалъ солдата почти изъ враже-скихъ рукъ. При этомъ же дѣлѣ сержантъ Фарелль и сержантъ Берриментъ получили кресты за то, что подъ огнемъ вынесли на рукахъ своего раненаго капитана. («Аргусъ», 1915, II).

умрутъ и остальные. Если же кто и выживетъ, тому грозить злая чахотка (пневмонія). Безъ сомнѣнія, это наиболѣе свирѣпая форма мучительства изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ доселѣ наукой“. („Daily Telegraph“, 7 мая 1915).

А вотъ описаніе извѣстнаго „Фестюберскаго дѣла“, найденное мною въ письмѣ одного офицера въ „Times“ отъ 9-го іюня. Характерно, что „Times“ (и прочія англійскія газеты) предпочитаютъ офицерскія письма. Въ Россіи интересуются больше письмами простыхъ рядовыхъ.

Этотъ офицеръ говоритъ:

— „Мы уже порядкомъ продвинулись впередъ. Недавняя наша ночная атака дала намъ большое пространство. Теперь мы захватили двѣ мили, не меньше, по фронту шириною въ $3\frac{1}{2}$ мили. Канадцы оказались молодцами: это превосходные солдаты. Сколько я могъ судить, потери у насъ невелики,—несомнѣнно онѣ значительно меньше, чѣмъ были подъ Невъ-Шапелемъ,—а результаты серьезнѣе. Я объѣхалъ всю захваченную нами область; она залита кровью, буквально. Въ одномъ мѣстѣ было цѣлое гнѣздо пулеметовъ, около двѣнадцати штукъ, нѣмцы предприняли противъ этого пункта, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать атакъ,—и всякій разъ были прогоняемы прочь. Вся земля абсолютно покрыта тѣлами убитыхъ и раненыхъ, и хотя мы каждую ночь подбираемъ ихъ съ поля, ихъ все еще огромное множество“.

Не легко даются англичанамъ ихъ успѣхи на Галли-польскомъ полуостровѣ. Одинъ ланкаширскій солдатъ пишетъ оттуда такъ:

— „Когда мѣсяцъ назадъ я посылалъ вамъ письмо, я былъ увѣренъ, что оно—последнее, что больше писать не придется. Но бываютъ же такіе счастливики!—вообразите, я живъ до сихъ поръ. Это до невѣроятности странно. Я уже успѣлъ побывать подъ всѣми сортами огня: подъ шрапнелью, лиддитомъ, пулями, чемоданами, бомбами, и до сихъ поръ ни единой царапины! Не то съ моими милыми товарищами. Никто изъ нихъ не остался въ живыхъ! У одного я снялъ съ пальца на память кольцо, подарокъ его невѣсты; на внутренней сторонѣ кольца надпись: „Какъ это кольцо, моя любовь не имѣетъ конца“. То и дѣло мы находимъ на полѣ сраженія трогательные сувениры убитыхъ: карточки отцовъ, матерей, завѣтные женскіе локоны. Мы относимся къ этимъ вещамъ съ уваженіемъ, и я видѣлъ, какъ одинъ офицеръ прослезился, найдя на какомъ-то убитомъ карточку двухъ малышей.“

Теперь нѣсколько словъ о бояхъ. Говорили, будто битва подъ Монсомъ — одна изъ величайшихъ въ исторіи.

Подождите, покуда напишутъ исторію нашихъ галлипольскихъ боевъ. Тогда вы поймете, что англо-саксонскими парнями было совершено невозможное. Богъ еще не создавалъ такихъ воиновъ, и люди еще не ставили имъ такихъ неодолимыхъ преградъ. Приготовьтесь кричать „ура“ удивительной арміи Китченера“. („Daily News“, 7 августа 1915 г.).

Колоссальны были потери британцевъ въ Галлиполи. За первыя пять недѣль ихъ пребыванія тамъ у нихъ выбыло изъ строя 45.000 человѣкъ! Въ общемъ же они потеряли до ста тысячъ убитыхъ и раненыхъ, то-есть почти пятьдесятъ процентовъ всего отряда! Хорошо, что они оттуда ушли, но какъ долго они тамъ оставались!

Подъ непрестаннымъ огнемъ, за тысячу верстъ отъ родины, на безводныхъ, бесплодныхъ камняхъ, мучимые дизентеріей и жаждой, предъ лицомъ вдесятеро сильнѣйшихъ враговъ, замкнувшихся въ неприступныхъ твердыняхъ, эти люди не впали въ отчаяніе, а бодро и безропотно три четверти года пробыли предъ жерлами пушекъ, почти не вѣря въ возможность побѣды.

Здѣсь выдержка и закаленность британцевъ сказались съ ослѣпительной яркостью. Такъ легко переносить неудачи умѣютъ лишь могучія души! Не трудно быть бодрымъ во время удачъ, но возьмите любое письмо Томми Аткинса, писанное въ пору самыхъ тяжелыхъ невзгодъ, и васъ поразитъ его тонъ, жизнерадостный, даже шутливый.

Вотъ типичное письмо изъ Малой Азіи отъ раненаго въ голову солдата, напечатанное только-что въ „Times'ъ“.

„Пуля хлопнула меня по башкѣ, но башка у меня, какъ извѣстно, пустая, такъ что о мозгахъ не беспокойтесь. Я долго пролежалъ на землѣ, въ компаніи убитыхъ и раненыхъ. Пули такъ и порхали вокругъ. Послѣ попалъ въ лазаретъ, но—увы!—на короткое время, ибо вскорѣ началось отступленіе; на маленькій нашъ отрядъ нападаетъ огромное полчище турокъ: въ девять разъ больше, чѣмъ насъ!

У меня же ни ружья ни снарядовъ. Все мое имущество — штаны да рубашка. А турки такъ и насѣдаютъ на насъ. Ну, думаемъ, пришелъ нашъ конецъ. Къ счастью, удалось окопаться.

Всю ночь мы стрѣляемъ безъ устали, чтобы спасти нашихъ раненыхъ. На утро турки снова — на насъ. Намъ приказываютъ отойти еще дальше, и мы устроились-было въ новыхъ окопахъ и усѣлись тамъ подъ турецкими выстрѣлами, но наши офицеры увидали въ бинокль, что турки получили подкрѣпленіе и снова налетаютъ на насъ!

Снова укладываемъ тяжело-раненыхъ въ телѣги и идемъ восемь миль по мучительно-тряской дорогѣ къ рѣкѣ, къ нашему прежнему лагерю, гдѣ мы оставили шлюпки.

Идемъ мы, идемъ безъ конца, а рѣки не видать. Мы поняли, что заблудились въ пустынѣ. Стемнѣло. Ночь. Мы построили наши телѣги въ карре и, окруженные ими, расположились на отдыхъ. Тѣ, кто еще могли управляться съ ружьемъ, стали на часы. Наступилъ такой собачій холодъ, что мы всѣ дрожали, какъ желе. По обычаю здѣшнихъ пустынь, нужно было ожидать непременно, что скоро нападутъ на насъ эти смазливые черти — арабы. Наши офицеры, въ предвидѣніи грозящей опасности, роздали намъ послѣднія порціи водки, жестянки съ молокомъ и т. д., и мы до разсвѣта прождали, что турки нападутъ на насъ съ тыла, а арабы — съ фронта. Понятно, что, когда разсвѣло, мы взглянули съ изумленіемъ другъ на дружку: неужели мы все еще живы?

Вскорѣ намъ подалось навстрѣчу нѣсколько конныхъ индусовъ, которые указали намъ тропку къ рѣкѣ, куда мы и прибыли послѣ трехчасового пути. Какъ кинулись мы къ водѣ, Боже мой! Въдѣ три дня мы были безъ воды!

Все это время раненые страдали ужасно. И моя бѣдная головушка тоже: такъ и моталась, какъ мертвая. Конечно, я не зналъ, что съ ней, но мой продырявленный

шлемъ весь былъ наполненъ кровью, такъ что я не мало дивился тому, что все еще живъ, а не мертвъ. На нашихъ суденышкахъ мы съ величайшимъ комфортомъ возлегли на кучѣ одѣяль и поплыли внизъ по Тигру до самага Кутъ-Эль-Амара, гдѣ узнали пріятную новость, что въ нижнемъ теченіи рѣки насъ ожидаютъ турки. Мы прождали въ Кутъ два дня, но потомъ принуждены были двинуться дальше и вскорѣ были встрѣчены цѣлымъ градомъ турецкихъ снарядовъ. У насъ прибавилось убитыхъ и раненыхъ, но спасибо и за то, что врагамъ не удалось пустить нашу флотилію на дно". („Times", 1916, январь)
